

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ВЕДЬМИН
ЗОВ

ОТ АВТОРОВ
«VITA NOSTRA»
И «ЛУЧ»

Марина и Сергей Дяченко
Ведьмин зов
Серия «Ведьмин век», книга 2
Серия «Миры Марины
и Сергея Дяченко»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49642276
Ведьмин зов / Марина и Сергей Дяченко: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-107294-0

Аннотация

«Ведьмин зов» Марины и Сергея Дяченко – долгожданное и прямое продолжение их знаменитого романа «Ведьмин век», который публикуется в этой книге в новой авторской редакции.

Действие романа «Ведьмин зов» происходит через тридцать лет после событий, описанных в первой части дилогии, в современном городе, живущем одновременно по законам индустриального общества и по законам мифа. Ведьмы – могущественные существа, бывшие некогда обычными женщинами. Инквизиция – служба, призванная с ними бороться, в рядах которой состоят как идейные борцы, так и садисты, упивающиеся властью. Ведьмин век, означавший торжество

ведьм и конец привычного мира, остался в прошлом. Но для кого
прозвучит Ведьмин зов?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	103
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Марина и Сергей Дяченко

Ведьмин зов

Часть первая

Она вышла из зала посреди церемонии, сорвала бейдж и выбросила в урну. Через минуту одумалась, вернулась, выудила пластиковую карточку обратно: без бейджа ее не пустят в гостиницу. В холле работали экраны, шла трансляция из зала, грохотали аплодисменты. По коридору сновали люди, как чайки за кормой колоссального теплохода. Журналисты писали на камеру подводки и комментарии. Охранники-шкафы громоздились у входов и выходов, спиральные провода вились из-под белоснежных воротников прямоком в волосатые уши. Путаясь в вечернем платье, оступаясь в туфлях для красной дорожки, Эгле вышла из кинотеатра и поймала такси.

Прилично было бы остаться на пафосную вечеринку и поздравить победителя. Не бежать из зала на глазах у коллег, не терять лицо, не швыряться бейджем. Хранить бесстрастность, улыбаться, пить шампанское, ведь номинация сама по себе уже победа, правда? Тем более первая номинация молодого профессионала; завтра Эгле пожалеет, что не сдержалась, но сейчас ей хочется визжать, рыдать и драться. И еще,

конечно, взорвать этот город, снести с земли вместе с предвзятым, бездарным жюри, не оценившим ее работу.

— Куда мы едем? — деликатно спросил таксист, и спросил уже в третий раз.

— У вас есть хорошие ночные клубы?

— Это Одница. — Таксист обиделся. — Спросите еще, есть ли в лесу деревья!

— Поехали, — сказала Эгле.

На всех экранах продолжалась трансляция, зеваки толпились на тротуарах, задрав головы. Только что назвали победителя в номинации «Лучший анимационный фильм»; стоял теплый, мягкий, поролоновый вечер. Кабриолеты втянули складные крыши, как улитки втягивают рожки. Пассажиры в открытых салонах вертели головами, болтали, смеялись, — что с них взять, туристы.

Пойду официанткой в кафе, сказала себе Эгле. И прекрасно, отличная работа. Хватит портить глаза, сутками напролет рисуя проклятые концепты, возиться с выкройками и эскизами, хватит добиваться совершенства. У меня исторический костюм, где каждая пуговица, каждая фактура выверена и оправдана. У меня тысячи дней, проведенных в музеях, у меня системный подход, технология «состаривания» ткани. Вы знаете, как изнашиваются бальные платья и каковы на ощупь нижние юбки, и что означает цвет обшлагов на парадной инквизиторской мантии?! Мои костюмы достовернее музейных экспонатов, я создала чудо на этом проекте, а

вы награждаете фэнтези, где вся одежда взята из наркотического бреда!

Таксист был прав: ночных клубов здесь было как деревьев в лесу. Не выбирая, не раздумывая, она вошла в первую попавшуюся дверь.

Вечер только начинался, зал был полупустой, но Эгле сразу поняла, что ей здесь нравится. Свежо, до времени не громко, приятный свет. На экранах продолжалась церемония; Эгле понимала, что трансляция вездесуща. От нее не спрятаться, проще сесть спиной к экрану.

Она уселась за столик, заказала коньяка и прислушалась к себе; обида никуда не делась, и сожалений о бегстве не было. Потеряла лицо – ну и плевать. Мнение коллег – помет колибри. Микроскопический вес.

У пустующей эстрады в одиночестве сидел молодой мужчина с кружкой пива. Эгле почти поймала его заинтересованный, оценивающий взгляд, но мужчина успел отвести глаза: так отворачиваются воспитанные, благополучные подростки. Настала очередь Эгле его разглядывать: нет, не заведомо ресторанных и баров, скорее спортсменов, член яхт-клуба. Блестящие черные волосы, ярко-голубые глаза на загорелом лице; турист? Откуда такой? Может быть, местный?

Он посмотрел на нее и на этот раз не стал отворачиваться. Несколько секунд они разглядывали друг друга, потом он встал, подхватив свою кружку и пересел к ней за столик:

– Я видел вас сегодня на церемонии, у вас номинация за

лучший костюм, так?

– Вы обознались, – процедила она, стремительно теряя к нему интерес. Он почуял это и заговорил быстро, сбивчиво:

– Я подошел... это наглость, но я должен был вам сказать. Костюмы в «Железном герцоге»... высокое искусство. Повествование, экспрессия, подлинность... Идеальное сочетание исторической точности, образа, цвета, линий... да! В этом фильме вы переиграли оператора, актеров, постановщика... всех!

Он не кривил душой. Эгле слегка оттаяла.

– У вас нет конкурентов. – Он волновался все сильнее. – Статуэтка по праву ваша, решение жюри несправедливо. Они дают призы проходным картинам, которые забудутся на другой день, а ваша работа... новая классика! По ней будут учиться будущие поколения – как стремиться к совершенству... как достигать! Быть не просто художником, но перфекционистом!

– Зачем что-то делать, если не стремишься к совершенству? – Эгле уже улыбалась. Его слова и коньяк действовали в сговоре, теперь она чувствовала себя гораздо лучше.

– У меня были билеты на церемонию, – заговорил он снова после легкой заминки. – Я отдал их другу, чтобы тот пригласил свою девушку. Сижу вот, жду... от него сообщения. Посмотрим, как у них сложится, я либо вернусь к себе... Либо проведу ночь в клубе, потому что ключи от квартиры я тоже отдал другу.

– Это ужасно трогательно, – сказала Эгле.

– Просто чтобы вы не подумали, что я алкоголик, раз сижу здесь и пью один.

– Да ведь и я не пьяница, – Эгле вздохнула. – Я беглянка. Неврастеничка. Может быть, еще вернусь... на вечеринку по случаю награждения. Еще не решила.

А не пригласить ли его в отель, мелькнула безумная мысль. Никогда прежде ей не приходило в голову прыгать в постель после трех минут знакомства. Не забыть бы спросить его имя...

– Меня зовут Конрад, – сказал он, будто читая ее мысли. – Я адвокат по страховым делам. Знаете, страховки имущества, медстраховки...

– Какая скука, – сказала Эгле.

– Вовсе нет. – Его глаза заблестели ярче. – Тоже творчество. Каждый процесс – это вызов, поединок, где победа зависит от множества факторов, знаете, – он щелкнул пальцами, – что-то среднее между боем быков и шахматной партией. От победы зависят не просто деньги – человеческие судьбы, и вот ты стоишь перед разъяренным быком и думаешь, сработает ли ладья на правом фланге...

Эгле улыбнулась, не скрывая симпатии:

– Значит, вы местный?

– Меня приглашали в столицу, – он подхватил ее улыбку, – но я патриот Одницы. Наше солнце, наше море, наши пляжи...

– Конрад, а как вы относитесь к ведьмам?

Он открыл рот, желая переспросить, но осекся и замолчал. Его взгляд изменился: на секунду Эгле показалось, что он сейчас встанет и уйдет.

– Потрясающе, – сказал он после паузы. – Я должен был догадаться.

И засмеялся, немного нервно, но явно радостно:

– Вы... да?

– Да. – Она кивнула. – Предпочитаю откровенность, причем сразу. А вы – нет, вы не могли догадаться, вы же не инквизитор.

Он замотал головой, сделал большой глоток из своей кружки:

– Должен был догадаться. Ваш талант. Определенно, что-то в этом есть, я будто чувствовал... Говорят, что ведьмы наделены даром. Ведьмы оригинальны. Ведьмы бывают гениальными чаще, чем...

– Спасибо, Конрад. – Она мысленно выдохнула с облегчением. – Сегодня вечером вы – целитель моего раненого самолюбия. Значит, у вас нет предубеждения против ведьм?

– Нет. Конечно. Сейчас такие времена, что... я ведь прогрессивный человек. – Он снова засмеялся. – Как глупо это звучит... Казалось бы, так легко встретить ведьму в баре. А на самом деле редчайший случай... потрясающе. Эгле... ведь Эгле, да? Вы первая ведьма в моей жизни, с которой я пью.

От него пахло терпким мужским парфюмом, свежим потом и адреналином. Эгле обнаружила, что коньяк в рюмке закончился, и жестом подозвала официанта; ее обида и ярость съежились, ушли в тень, на смену явилась обманчивая, головокружительная легкость. Идея привести Конрада в отель все-таки слишком безумна, но он ей нравится. Она посидит здесь какое-то время, купаясь в лучах его обаяния, восстанавливая энергию, а потом вернется на вечеринку, поздравит победителя и...

От входа потянуло ледяным сквозняком. Будто не теплая Одница, а промозглая зимняя Ридна, родная провинция Эгле; нет, это не холод. Это дискомфорт совсем другой природы: в ночной клуб зачем-то пожаловал инквизитор. Эгле знала, что сумеет притерпеться к его присутствию через несколько минут, но притупившаяся было ярость вспыхнула снова: почему инквизитора принесло именно сейчас, именно сюда, именно сегодня?!

Он, конечно, тоже почуял ее – с порога. Прошел очень близко, не повернув головы, – в джинсах и светлой тенниске, неотличимый от прочих посетителей, а впрочем, не в черной же хламиде ему являться в клуб. Уселся в углу – так, чтобы Эгле оказалась в его поле зрения. Уставился на большой экран за ее спиной с выражением смертельной скуки на бледном лице. Рейд у них, что ли? Почему тогда он не подходит и не спрашивает документы, чего ждет?

Холодный, спокойный, даже отрешенный инквизитор.

Когда они в таком расположении духа, их легче переносить. Эгле ощущала его присутствие, как камушек в обуви: пока сидишь в удобном кресле, можно терпеть, но не вздумай встать.

Она отхлебнула от новой, принесенной официантом рюмки.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросил Конрад. Эгле махнула рукой, все, мол, в порядке. Теперь ей было странно, что она чуть было не пригласила этого парня к себе на ночь. Дурацкая идея – сейчас. Но, может быть, в будущем... все-таки он совершенно в ее вкусе, и эти голубые глаза...

– У меня никогда не было предубеждения, – мягко говорил Конрад. – Все меняется... В университете, например, теперь квота на ведьм. Вроде как приемная комиссия зачисляет девушек без экзаменов – просто по справке из окружающей Инквизиции. Уж не знаю, верить или нет. Кстати, знаете анекдот – заходит девственница в бар...

Взгляд инквизитора бесил ее. Это же надо уметь так смотреть – не прямо. Не глазами. И ведь не подойдет, скотина, и не отвернется. И пьет, кстати, воду. Чистую воду, сидя в клубе; Эгле смотрела, как движутся губы Конрада: тот молот откровенную чушь. Все равно какого цвета твои глаза, когда говоришь ерунду. Жалко.

– В наше время, Эгле, Инквизиция превратилась в контору по социальной поддержке ведьм, – весело продолжал Конрад. – Я сам иногда жалею, что не ведьма, за мной бы

присматривали, опекали, а вдруг я в чем-то нуждаюсь, вдруг меня дискриминируют...

Инквизитор встал и вышел в коридор. Эгле поднялась почти сразу, взяла сумку, улыбнулась Конраду посреди его речи и, покачиваясь на каблуках для красной дорожки, пошла в отхожее место.

В полутемном коридоре пахло застарелым табачным дымом. Инквизитор курил возле урны с песком; Эгле подошла вплотную:

– Вот мое регистрационное свидетельство, окружная Инквизиция города Вижна. Что-то еще?!

Он ткнула карточку ему под нос. Он не удивился. Не удостоил документ ни взглядом:

– Я не на работе. Вы же не станете давать консультации по историческому костюму в сортире ночного клуба, нет?

Весь этот проклятый город меня знает, подумала Эгле. Все, хватит. Пора в гостиницу, завтра самолет.

Она вернулась в зал. Конрад что-то быстро писал в мессенджере, при виде Эгле убрал смартфон под стол и отчего-то смутился:

– Мой друг пишет... до сих пор ничего не ясно. Церемония понравилась, они пьют кофе, но девушка ничего не решила. Я написал, чтобы он не торопился, в конце концов, я могу переночевать и на яхте...

– На яхте, – повторила она бездумно и взяла свою рюмку со стола.

– Маленькая яхта у причала, напротив концертного комплекса. Обожаю ходить под парусом... Эгле, вы устали? У вас такой утомленный вид...

Она допила свой коньяк. Покатала во рту последний глоток. Поставила рюмку:

– Спасибо, Конрад, вы мне скрасили этот вечер. Под парусом мы когда-нибудь сходим, когда-нибудь потом, а сегодня...

Ее ноги подкосились. Конрад поймал ее в падении:

– Ничего, бывает...

Что бывает, подумала Эгле отстраненно. Я выпила две рюмки коньяка... И что, что с моими ногами?! Эй, мы так не договаривались, я должна встать, собраться, вызвать такси...

Последнее, что она запомнила, – голубые глаза Конрада совсем рядом. Напряженные, цепкие, отчего-то очень жадные глаза.

* * *

К ее носу поднесли тряпку, пропитанную нашатырем. Вонь была, как конец света. Эгле закашлялась... попыталась кашлять, но рот ее и подбородок оказались залиты бетоном. В первую секунду было такое впечатление.

Просыпайся, сказала она себе. Гадость какая снится. Просыпайся немедленно!

Тело не слушалось, как в самом ужасном кошмаре. Она

не могла поднести руку к лицу – возможно оттого, что запястья были стянуты... веревкой? Проволокой? Дышать заклеенным ртом нечего было и пытаться, нос заливало слезами и соплями, Эгле задыхалась.

Вонючая тряпка убралась. Над Эгле склонилось лицо, закрытое капюшоном: традиционный костюм инквизитора. Глаза в прорезях смотрели мутно-карим, лихорадочно-возбужденным взглядом; инквизитор удостоверился, что Эгле пришла в себя, удовлетворенно кивнул и выпрямился.

Эгле увидела комнату, по виду нежилую, с обрывками старых обоев на стенах и пятнистым потолком, с окном, забитым фанерой, с голой лампочкой, единственным источником света. Привязанная за руки, она лежала не то на кровати, не то на диване, не то на матрасе поверх ящиков. В комнате, кроме нее, присутствовали двое в балахонах с капюшонами-масками. Один был Конрад, Эгле узнала его по глазам. В руках он держал видеокамеру.

Вошел еще один в балахоне, прижимая к груди упаковку дров из супермаркета, с этикеткой – «сосновые дрова». Положил у изголовья, и Эгле увидела, что таких упаковок много – кровать обложена штабелями сухих поленьев. Вошел четвертый с двумя канистрами, никто не произнес ни слова.

Если это инквизиторы, то почему она их не чувствует? Что они творят, она ведь даже не инициирована! Зарегистрирована по закону, ее свидетельство регулярно обновляется... Конрад, ночной клуб... Кто они такие?!

Торговаться, угрожать, стравить их между собой – прекрасные опции, но не для человека без рта. Освободить руки... не вариант, и очень болезненная попытка. Ноги свободны... пришлось бы кстати туфли для красной дорожки, с огромными острыми каблуками, но туфель нет – слетели по дороге. Что еще можно сделать?

Конрад передал камеру другому человеку в балахоне и подошел ближе. Эгле поймала его взгляд, попыталась безмолвно изобразить мольбу, и получилось отлично: Конрад смотрел, не отрываясь, напиваясь ее унижением, страхом и болью.

Кареглазый в балахоне включил камеру. Конрад убедился, что запись идет, и распорол на Эгле вечернее платье. Ткань скрипела под лезвием хорошего походного ножа. Эгле попыталась оттолкнуть палача ногой, но двое других, статисты, прижали ее к матрасу. Оператор невозмутимо снимал.

Конрад срезал с нее белье, которое Эгле купила в фирменном бутике пару дней назад, впервые в жизни. Позавчера. Век назад. Дрова вокруг кровати благоухали пикником, в комнате воняло потом, бензином и похотью, и горел огонек камеры.

Конрад отшвырнул лоскуты платья, обрывки белья и лохмотья тонких колготок. Оператор снимал; пытаясь съежиться на матрасе, высвободиться из удерживающих ее веревок и рук, Эгле ощутила, будто удар плети, присутствие инквизитора рядом. Разъяренного, взвинченного, очень злого.

Мелькнуло перед глазами надменное лицо в ночном клубе:
«Я не на работе...»

Теперь понятно, почему ему плевать было на ее регистрационное свидетельство. Если он выследил ее, привел в эту комнату, на этот матрас, к этим ублюдкам... Тогда где же, где он сам?!

Конрад держал в руках банку с краской и кисть. Эгле дернулась, подбирая живот, но ничего не могла поделать: кисть гуляла по ее телу, Конрад писал, тяжело сопя. Оператор снимал; Конрад отложил кисть и задышал громче. Задрав мантию, расстегнул штаны...

Загрохотала выбитая дверь, Конрад дернулся, оборачиваясь, а Эгле накрыла волна холода, сопоставимого с болью, – тот, что стоял в двери, был очень, очень опасен для любой ведьмы:

– Окружная Инквизиция!

В правой руке инквизитора мигал проблесковым маяком жетон, левая заведена за спину. На нем не было ни балахона, ни маски, – светлая тенниска и джинсы, как тогда в клубе. Четверо в мантиях на секунду оцепенели.

Мутноглазый опомнился первым – он шагнул к человеку в двери, наклонив голову под капюшоном, будто собираясь забодать противника. Инквизитор убрал из-за спины левую руку, вытянул вперед, в ней, к сожалению, не было пистолета, безоружная ладонь сжата в кулак. Мутноглазый прыгнул – инквизитор разжал пальцы. На ладони был красной тушью

нанесен знак. Если бы мутноглазый был ведьмой, повалился бы на месте, но он был просто человеком, просто мужчиной и просто мерзавцем, поэтому всего лишь отшатнулся. Зато Эгле, увидев знак мельком в свете единственной лампы, оказалась полностью парализованной.

Не чувствуя ни ног, ни рук, ни боли, лежа на спине, она могла видеть потолок и лампочку, слышать сопение, топот, глухие удары, ругань, стон. Взвизгнул кто-то, до сих пор молчавший. Кто-то повалился на пол. Драка продолжалась долго, бесконечно, пока вдруг не стало тихо, и Эгле почувствовала, что инквизитора рядом больше нет.

– Сволочь, – прохрипел Конрад, – спалил нас... Уходим, здесь все сторит, валим! Камеру возьми!

Он поднял с пола канистру, склонился над Эгле, стянул с головы капюшон. Эгле увидела его лицо и поразилась, как этот урод мог понравиться ей.

– Гори, ведьма, – сказал Конрад.

Он плеснул бензином на голое тело. Эгле рванулась, желая освободить руки, готовая отгрызть их по локоть, было бы время...

Близкий и мощный звук нарушил тишину этой ночи. Взыли снаружи, с трех сторон, полицейские сирены. Эгле снова дернулась и увидела, как искажается лицо Конрада – будто грязная простыня.

Отшвырнув канистру, он кинулся к двери, на бегу повернулся, выхватил зажигалку, щелкнул, бросил – Эгле видела,

как зажигалка летит и на лету трепещет огненным язычком. Модель «Пикник», не гаснет на сильном ветру, после нажатия кнопки три секунды держит пламя...

Зажигалка исчезла, зажата в чьем-то кулаке. Снаружи грубо орали голоса: «На землю! Лежать! Руки за голову!»

Инквизитор выпрямился, сжимая в ладони мертвую зажигалку.

* * *

Взяли четверых, один без сознания, Мартин сломал ему челюсть. Плюс камера с оперативными материалами. Плюс жертва, в шоке, но живая и относительно здоровая; он не чувствовал боли ни в разбитом лице, ни в обожженной ладони. Эйфория, адреналин, звон в ушах.

Ларри, полицейский комиссар, находился одновременно во дворе, где прошло задержание, в доме, где обнаружили жертву, в машине, где работал компьютер. Набегавшись, подошел к Мартину и жадно закурил:

– Вообще-то я не очень люблю ведьм. Но сейчас даже мне хочется запереть ублюдков в доме и кинуть спичку.

– Не курил бы ты здесь, – сказал Мартин.

Комиссар поспешно затушил сигарету:

– Ну и дерьмо... Ты везучая скотина, у меня слов нет. Просто нет слов, только ругательства, и то однообразные...

Завибрировал телефон. Опуская руку в карман, Мартин

уже знал, кто звонит. У отца была нечеловеческая интуиция.

– Что там у тебя?! – отрывисто спросила трубка.

– Взяли «Новую Инквизицию», – сказал Мартин разбитыми губами. – Только что. Девушка жива.

Коротенькая пауза, которая дорого стоит.

– Ты как?

– Меня убили и съели.

– Немедленно полный отчет! – В его голосе звучала сталь, но и что-то еще, отчего Мартин почувствовал нежность:

– Это полицейская операция, патрон. Не инквизиторская. Но отчет я подготовлю и пришлю.

Жертва, завернутая в одеяло, сидела в машине «Скорой». Час назад он видел ее в клубе, колючую, злую, экстравагантную-яркую: замысловато уложенные сиреневые волосы, молнии из глаз, высоченные каблуки – непривычный атрибут, дань моменту. Теперь она сидела, опустив голову; рядом суетилась медсестра.

– Жду, – сказала трубка. – И, пожалуйста... никаких брифингов. Никаких пресс-конференций. Засекретить все наглухо, я свяжусь с полицейским начальством...

– Патрон, я же не идиот, – отозвался Мартин укоризненно.

Жертва в «Скорой» подняла голову и посмотрела на Мартина; лицо у нее было как у мраморной статуи, трагическое и умиротворенное, а в глазах медленно, нехотя рассеивалось отражение смерти.

– Мартин, – сказал отец в трубке. – Я тебя... поздравляю.

Спасибо.

Полицейские машины отъезжали одна за другой. Последней уехала «Скорая», без сирены и мигалки, по-деловому. Подергивалась на ветру желтая ленточка ограждения, будто ей было холодно и страшно, как многим этой ночью.

* * *

В полиции с ней обходились ненормально, неестественно бережно. Медицинский эксперт проявил столько такта, сколько было возможно в этой ситуации. Когда Эгле наконец раскисла и разрыдалась, ее не попросили взять себя в руки, как следовало ожидать, а привели к ней психотерапевта, и это ее парадоксальным образом отрезвило.

Нет, она не нуждается в терапии. Да, она согласна записать номер горячей линии. Да, она поняла, что все услуги по реабилитации оплатит окружная Инквизиция, а адвокат... какой адвокат?!

Было девять часов утра, в полицейском управлении менялась смена. Эгле сидела в кабинете, одетая в новый, с бирками, спортивный костюм, который специально для нее откуда-то привезли, точно по размеру. Она расписывалась на бумажных протоколах и на сенсорных платах, еще раз и еще. Следователь глядел на нее, как на младшую сестру, потерянную в детстве.

– Адвокат свяжется с вами, когда вы отдохнете. Вы точно

отказываетесь от госпитализации? Вы уверены, что вам не нужна дополнительная помощь? Подпишите еще вот здесь... Вашу гостиницу мы продлили на два дня, дату вылета перенесли соответственно, это на случай, если вам станет хуже или у нас возникнут вопросы. Вот ваш смартфон, банковские карточки, документы, проверьте, все ли на месте...

Он помолчал, потом доверительно потянулся к ней через стол:

– Журналисты...

– Нет, – сказала она и содрогнулась.

– ...не в курсе. Дело засекречено. Вы понимаете...

– От меня никто ничего не узнает, – сказала она твердо. – Об этом можете не просить. Я бы дорого дала, чтобы забыть... все.

– Спасибо. – Он вздохнул с облегчением. – Будет суд, через несколько месяцев. В закрытом режиме. От вас много не потребуется, адвокат все сделает за вас... И когда мерзавцы сядут пожизненно, вы сможете все забыть.

– А они сядут пожизненно? – спросила Эгле с сомнением.

– К тому все идет. – Следователь улыбнулся, немного нервно, будто понял, что сказал лишнее. – Мой телефон у вас есть. При любых вопросах, сомнениях...

– Спасибо. – Эгле помолчала. – Могу я узнать... этот человек, инквизитор, – как его зовут?

– Его? – Следователь замялся. – Видите ли, Инквизиция – не полиция, у них свои правила... Если он не давал мне пол-

нoмoчий рaзглaшaть... я, к сoжaлeнию, ничeм нe мoгу вaм пoмoчь.

— Прoстo имя!

— Зaйдитe к ним нa сайт, — скaзaл слeдoвaтeль, пoнизив гoлoс. — Тoлькo... я вaм этoгo нe сoвeтoвaл.

* * *

Онa oтпeрлa дeрeвь нoмeрa, из кoтoрoгo вoхoдилa мeньшe сyтoк нaзaд, сoбирaясь нa цeрeмoнию и твeрдo вeря, чтo вeрнeтcя сo стaтуэткoй. Онa вeрнулaсь с бинтaми нa зaпястьях, пoлyстeртoй нaдписью нa живoтe и чyдoм yцeлeвшeй прoмeжнoстью. В нoвoм спoртивнoм кoстюмe, рaзyмeeтcя, и в тaпoчкaх.

В нoмeрe пpибирaлись, пoстeль былa идeaльнo зaстeлeнa, зeркaлa свeркaли. Эглe сбpoсилa спoртивный кoстюм нa пoл и eщe рaз пpинялa дyш; нaдпись мaслянoй кpаскoй дo сих пop yгaдывaлaсь нa кoжe: «яицизивкни явoН».

Зaкyтaвшиcь в мaхpoвый хaлaт, oнa бoсикoм пpoшлa в кoмнaтy и oткpылa свoй нoутбyк. Пoискoвый зaпpoc: «Нoвaя Инквизиция». Или дaжe тaк: «Нoвaя Инквизиция. Oдницa».

«Страницa yдaлeнa». «Ссылкa нeaктуaльнa». «Страницa yдaлeнa». Кaк интeрeснo. Пoгpyжaясь дaльшe и дaльшe, пpoхoдя с oднoгo сайтa нa дpyгoй, Эглe кoпaлaсь, бyдтo кyрицa в кyчe мyсoрa, yвepeннaя, чтo зepнo нaйдeтcя, нaйдeтcя, нaйдe...

«Внимание: шокирующий контент». Напугали, ага. Вовпит антивирус, блокируем всплывающее окно...

Открылась запись, сделанная дрожащей камерой в полутемном помещении. Человек в черном балахоне, с капюшоном, закрывающим лицо, спарывал одежду с незнакомой молодой женщины, прикованной наручниками к кровати. Голос, измененный модулятором, глухо звучал за кадром:

– Инквизиция умерла. Великая традиция борьбы, охоты, наказания – все в прошлом. Это сделали вы, ведьмы, вы растлили Инквизицию, вы разложили ее изнутри... Но рано радоваться.

Реакция была такой острой, что Эгле едва успела добежать до ванной: ее вырвало в раковину и частично на блестящий мраморный пол.

Она заставила себя вернуться. Закурила. Долго думала, смотреть дальше или нет. Глубоко вдохнула и вернулась к ноутбуку.

– Ты ведьма, – бубнил голос за кадром. – Ты зло, ты грязь, наказание будет суровым...

Стоп-кадр, крупный план, надпись «Новая Инквизиция» на голом животе. Сцену изнасилования Эгле прокрутила, закрыв глаза и убрав звук. В самом конце ролика появился дом, пылающий от основания до флюгера на крыше.

– Ведьма, знай, что тебя ждет твой костер. Ты язва, ты проклятие, мы Новая Инквизиция. Мы придем за тобой.

Эгле докурила. Выпила воды, вытерла холодный пот со

лба. Набрала в поисковике: «Окружная Инквизиция Одницы. Официальный сайт». Прошла по ссылке «Сотрудники»: оперативный состав, технический состав, аналитики, эксперты...

«Куратор округа Одница верховный инквизитор Мартин Старж».

Он смотрел на нее с экрана с таким видом, будто рекламировал турагентство, а не возглавлял инквизиторскую службу крупнейшего в стране округа. В мантии, но со сброшенным капюшоном. С жетоном на груди. Эгле поразились, каким разным может быть его лицо: в клубе он был высокомерным и вполне отвратительным. В заброшенном доме – озверевшим. На официальном фото казался милым, как плюшевый мишка. Светло-русые волосы, живописно небритые щеки, карие с прозеленью глаза, насмешливый взгляд. Сколько ему лет, тридцать с небольшим? И на кураторской должности? Вот это карьера у парня; Старж... Неудивительно. Известная фамилия. Яблочко от яблони; Эгле нашла номер на странице и подтянула к себе гостиничный телефонный аппарат.

– Здравствуйте. Спасибо, что обратились в Инквизицию округа Одница. Если вы ведьма и вам нужна немедленная помощь, нажмите один. Если вы хотите узнать расписание приемов...

Эгле нажала единицу.

– Горячая линия, – сухо сказала женщина на том конце

связи. – Звонок может быть записан. Назовите вашу проблему.

– Мне надо говорить с Мартином Старжем.

– У вас срочная проблема?

– Да. Мне надо говорить с Мартином Старжем.

– Верховный инквизитор на приеме завтра в своем офисе с десяти утра. Вам будет оказана помощь немедленно, при помощи оперативной бригады. Назовите вашу проблему.

Эгле положила трубку.

* * *

В четырнадцать лет она пришла становиться на учет в районный отдел Инквизиции, в небольшом городке провинции Ридна. Там не было ни панелей с видами природы, ни аквариума, ни матового стекла на стойке приемной. Там регистратор, крикливый толстяк, насмехался над ней. Там на скрипучих скамьях вдоль стен часами маялись перепуганные, униженные женщины.

В центральном инквизиторском офисе Одницы холл с мягкой мебелью был почти пуст. Пожилая дама листала глянцевые журналы, девушка-школьница не отрывала глаз от смартфона. На стойке сидела женщина в офисном костюме, с легким макияжем на профессионально-доброжелательном лице. Эгле положила на мрамор учетную карточку, регистраторша привычным движением поднесла к документу

сканер:

– Вы хотите встать у нас на учет? К сожалению, на этом участке нет мест. Я предложу вам список других офисов в городе и округе.

– Я хотела бы обсудить этот вопрос с верховным инквизитором.

– Я отправлю ему ваши документы, – сказала регистраторша с большим сомнением, возвращая карточку Эгле. – Подождите, пожалуйста.

Эгле села в мягкое кресло; девушка мельком глянула на нее поверх телефона – и снова опустила глаза. Эгле почувствовала, как берутся корочкой губы: это место, похожее на приемную частной клиники, не могло ее обмануть. Инквизиторская контора, Эгле видела их немало; не имеют значения ни мебель, ни экраны, ни электронная очередь, ни кофемашина в углу: сквозь них в ее воображении проступают скрипучие скамьи, щелястый пол, древние бюллетени на стенах – «Ведьма, помни, общество не отказывается от тебя...» Место страха, унижения и несвободы. Эгле захотелось встать и уйти, и она бы смалодушничала через несколько секунд, но регистраторша, глянув на экран компьютера, посмотрела поверх матового стекла:

– Эгле Север? Вас приглашают.

И бронированная дверь, ведущая из приемной вглубь помещения, открылась.

Инквизитора и ведьму разделяло тонкое стекло, испещренное вязью – разновидность изолирующего знака. Эгле впервые встречала такое новшество в инквизиторском кабинете: трогательная забота о самочувствии посетительницы.

Она увидела Мартина Старжа впервые с момента, как в увозящей ее «Скорой» закрылись двери. Тогда он стоял во дворе дома, чуть не ставшего ее костром, и говорил по телефону. Светили фары полицейских машин и единственный фонарь на столбе; рваная тенниска инквизитора была залита бензином и кровью, лицо разбито в котлету, правый глаз заплыл. Эгле тогда пыталась поймать его взгляд и поймала – но только на секунду.

Теперь он сидел на рабочем месте в темных очках. На опухшей скуле ясно виднелась пара швов, но в целом он выглядел гораздо лучше, чем можно было ожидать после такой мясорубки. Капюшон черной хламиды лежал у него на плечах. Выражение лица: играю в покер.

Полминуты они смотрели друг на друга. Потом он показал ей часы на запястье – жду, мол. Ты тратишь мое время.

– Я видела в сети ролик «Новой Инквизиции», – сказала Эгле.

Он замер, как стоп-кадр, потом откинулся на спинку кресла:

– Его должны были выпилить.

Эгле пожала плечами: не рядовая, мол, затея, убрать из сети информацию после того, как та расползлась.

– Спасибо, – сказал он, подумав. – Это важно. Я приму меры. Что еще?

– Я хочу об этом поговорить.

– У вас отличный адвокат, психотерапевты на выбор, неограниченные возможности для «поговорить». А у меня рабочий день. Люди ждут.

– Ты спас мне жизнь, – сказала Эгле. – И... ты все видел. И я видела эти кадры. Что, совсем нечего сказать?

Выражение его лица не изменилось, насколько она могла судить, глаз-то все равно не было видно. Подумав секунду, он взял со стола лист бумаги и ручку.

– Если у вас больше нет вопросов, – начал медленно, одновременно что-то царапая на листке перед собой, – и учитывая, что ваша регистрация не нуждается в обновлении... Думаю, вам следует обратиться в Инквизицию по месту жительства.

Он приложил к стеклу записку: «Шесть вечера гостиница позвоню».

Она почувствовала себя глупо. Он скомкал бумажку и махнул ей рукой – иди, мол.

– До свиданья, – пробормотала Эгле, совершенно растерянная.

Он замахал энергичнее, предлагая ей немедленно выме-

таться из кабинета и не тратить его драгоценного времени.

* * *

– Вообще-то, я ждал поощрения, – сказал полицейский комиссар Ларри. – Вместо этого меня грозят отдать под суд, если случится утечка информации. Признавайся, это твоя крыша в Вижне прессует мое начальство?

Мартин пришел в управление к трем, официально – чтобы дать показания, на самом деле – за новой информацией. То, что он выяснил, не удивило его, но оставило скверный осадок на душе. Спокойно уйти не дал комиссар – потащил в кабинет, пропахший сигаретным дымом, усадил в кожаное кресло, которое, как всем было известно, служило комиссару и массажером, и койкой для дневного сна, и начал изливать на чужую голову раздражение, опасения, надежды и обиды:

– Если ты меня понимаешь, это громкое дело, почему не собрать пресс-конференцию? Почему мы стоим в позе страуса, ведь все знают, что «Новая Инквизиция» была и она убила человека! Что же, она растворилась в воздухе? А впереди еще следствие, экспертизы, суд. Почему твой, извиняюсь, патрон заклеивает нам рты?!

– Не совсем понятно, какого ответа вы от меня ждете, – сказал Мартин. – Если вы думаете, что я влияю на патрона, вы ошибаетесь. Равно как и он на меня несколько не влияет. Еще раз: чего конкретно вы от меня хотите?

Ларри запыхтел: Мартин обращался к нему на «вы» в исключительных случаях, и это был крайне дурной знак.

– Вообще-то, ты тоже заслужил поощрение, – сказал комиссар тоном ниже. – Ты, везучая сволочь, заслужил орден! Это же выгодно Инквизиции – показать, что самозванцы в этих... балахонах... задержаны! И сделала это наша полиция... с подачи верховного инквизитора Одницы! Объясни, почему нет?

– Потому что подражатели, – сказал Мартин, и Ларри уставился на него, как на летающего крокодила. Комиссар смотрел секунду, другую, а потом выражение его глаз изменилось: он понял.

– Задница, – сказал Ларри и сплюнул. – Какая жопа, Мартин. Это же как с маньяками...

– Ты никогда не думал, что мы слишком мягко обходимся с ведьмами?

– Но вы правда... слушай, у моей жены на работе уволили ведьму за опоздания, так восстановили по суду! Это как, справедливо?!

– Ты никогда не думал, что рыба гниет с головы, а Великий Инквизитор, тридцать лет женатый на ведьме, должен оставить свой пост?

– Я не стану обсуждать дела твоей семьи!

– А люди так думают. И пока они возмущаются в сети или выходят на уличные протесты, все нормально. Но когда психопаты, или садисты, или травматики, пострадавшие от

ведьм, массово начнут подражать «Новой Инквизиции»...

– Ладно! Убедил, сделаем вид, что у нас вместо ртов куриныные гузки...

– Как ты думаешь, почему мой отец продержался на своем посту все это время? Потому что он эффективен, Ларри. И герцог это понимает, и все, кому надо, это понимают. – Мартин посмотрел на часы. – Прошу прощения, у меня встреча.

Поднимаясь, Мартин случайно включил механизм кресла, и скрытый под обивкой массажер попытался укунить его за ягодицу. Без успеха.

* * *

В две минуты седьмого она ходила по номеру, как тигр в клетке, от стены к стене. В три минуты седьмого зазвонил гостиничный телефон. Эгле схватила трубку.

– Спускайся, – сказал он, не здороваясь. – Серый «Лебедь», последние цифры номера – тридцать три.

И запищали гудки.

Она сбежала по лестнице, не дожидаясь лифта. Вышла на обочину напротив входа в гостиницу, и тут же рядом притормозила серая машина. Приоткрылась передняя дверь. Внутри было холодно, так холодно, что даже больно; стуча зубами, Эгле с трудом защелкнула пассажирский ремень.

Инквизитор не удостоил ее взглядом, и она была благодарна: зрительный контакт удвоил бы дискомфорт. А Эгле

и так жестоко лихорадило, пройдет не меньше пятнадцати минут, прежде чем она адаптируется и справится.

– Мы играем в шпионов? – Трясаясь, она чуть не прикусила язык.

– Не хочу говорить под запись, в кабинете диктофон, а я не должен тебе этого рассказывать... Слушай. Три месяца назад одна девушка, ведьма, пошла в бар, познакомилась с мужчиной, внезапно опьянела, и он увез ее якобы домой. Той же ночью пожарные потушили заброшенный особняк... В Однице был строительный кризис пару лет назад, много домов так и стоят пустыми... Пожарные нашли в сгоревшем доме останки, но прежде чем их идентифицировали по ДНК, в сети появился ролик... Мне очень жаль, что ты его посмотрела.

– Великая традиция борьбы, охоты, наказания – все в прошлом, – прошептала Эгле. – Это сделали вы, ведьмы, вы растлили Инквизицию, вы ее разложили изнутри... Но рано радоваться. Новая Инквизиция... уже здесь.

Он хотел взглянуть на нее, но удержался:

– Ролик оперативно удалили... насколько возможно. Я провел, говоря по-канцелярски, ряд профилактических мероприятий в том духе, что эти люди вовсе не инквизиторы, а насильники и убийцы и вот-вот будут пойманы. Легко обещать. На камерах он не засветился. Информационную волну удалось задавить, но я знал, что продолжение следует, и ждал, когда все повторится...

– И ты ходил по ночным клубам и пил воду.

– Да. И много раз так бывало: приходят ведьмы, в компании, или с парнями, или в одиночку... А я сижу и пью воду. – Он остановился на светофоре. – И провожу вот так ночь, пока они гуляют и ржут... А клубов в одной только Однице тысячи. И к каждому не приставишь инквизитора, а химию в бокал подсыпают не только ведьмам... Безнадежно. Но куда деваться... Я увидел, как ты вырубилась. Сел в машину и увязался за ним, а когда понял, куда он направляется, позвонил в полицию. Полицейские, сволочи, очень долго ехали, пришлось импровизировать. Это то, что ты хотела услышать, или что-то еще?

– С-спасибо. – Эгле обхватила себя за плечи. – Спасибо, Мартин. Это был... кошмар.

– Ты отлично держишься, – сказал он, не отрывая глаз от дороги.

– Это потому, что я ведьма. – Она нервно засмеялась. – Эти... они кто вообще? Сумасшедшие? Конрад... в клубе... казался нормальным. Кто они такие?!

Он помолчал, лавируя в потоке транспорта. Снова начался летний вечер, толпились зеваки на тротуарах, сидели за столиками на открытых верандах кафе, катались в кабриолетах, подставляя лица теплomu ветру.

– Травматики, – сказал он. – Пострадавшие от ведьм. У Конрада погиб восьмилетний сын – наступил на тень-знак, через два часа умер от истощения.

Эгле сплела пальцы, сдавила до хруста:

– Но... я же... мы же... ни при чем. Ни я, ни та девушка... мы не проходили инициацию! Не мы это сделали, мы физически не могли...

– Психологический феномен: нет разницы, та ведьма или эта. Ну и, конечно, Конрад с компанией не нормальны. Психопатия, депрессия, алкоголизм, наркотики. Первопричина – травма, мотив – месть. Не конкретной ведьме, а ведьминому роду в целом.

– Мне страшно, – сказала она после паузы.

– Они на свободу не выйдут.

– Страшно знать, что тебя могут так ненавидеть. Ни за что. За принадлежность к роду.

– Ты раньше с этим не сталкивалась?

– Э-э... Нет. С таким – точно нет. У нас в индустрии ведьма на ведьме сидит, ведьмой погоняет...

– Расскажи о своем фильме.

– Что?

– Расскажи, о чем картина, как ты работала. Не зря же тебе дали номинацию?

– «Железный герцог». – Эгле оживилась, чувствуя, как твердеет земля под ногами. – Ты смотрел?

– Я не хожу в кино. – Он свернул на парковку рядом с торговым центром.

– Но ты же знал тогда в клубе, что я художница по костюмам!

– Потому что я знал, сколько ведьм и откуда аккредитованы на фестиваль. Ну что, пойдем, выпьем чего-нибудь?

Он улыбнулся разбитыми губами, и Эгле поняла, что верховный инквизитор моложе, чем она думала. Ему и тридцати, наверное, нет еще.

* * *

– ...Социальная роль костюма была куда серьезнее. Сейчас ты, например, можешь себе позволить ходить по улицам в джинсах, а инквизиторы времен Атрика Оля носили мантию даже дома, даже в спальне, и для каждого случая предусматривались аксессуары: в герцогский дворец – с золотыми обшлагами и золотой цепью, во Дворец Инквизиции – с красными обшлагами, на публичную казнь... впрочем, что это я. Наше кино о столкновении двух аристократических кланов, война между Вижной и Ридной...

Он замечательно слушал. Эгле понятия не имела, сколько времени прошло, она говорила, он слушал, как благодарнейшая на свете аудитория.

– Тебе обязательно нужно это посмотреть, ну вот правда очень крутое кино. Большой успех... Такая волна пошла, что режиссер попытался запустить проект, о котором давно мечтал. Я уже эскизы сделала. Но все завернули.

– Почему?

– Цензура, – Эгле состроила гримасу. – Идея была – экра-

низировать «Откровения ос»...

– Ничего себе широта взглядов. – Он поперхнулся. – История о том, как ведьмы собрались в единый рой и живописно замучили человечество. На широком экране. Круто.

– Я понимаю. – Она вздохнула. – Нельзя показывать злодеяния ведьм, тем более в таких масштабах, это нарушает права неиницированных. У нас, чтобы ты знал, ведьм можно представлять разве что в лирических комедиях, и то с проблемами. Не только историческая сага, но и просто социальное кино никогда не будет снято. А общественный контекст...

Она запнулась. Все, что случилось позавчера ночью, казалось полустертым сном; возможно, она не один раз увидит это в кошмарах, но потом, потом. Сейчас ее сознание защищается, ретуширует страшное и постыдное, редактирует боль, и теперь даже кажется, что она сбежала в это кафе прямо с церемонии награждения; Эгле опустила плечи в память о поражении – на секунду.

– Номинация – уже победа. – Он снял темные очки. Эгле еще раз убедилась, что на инквизиторах синяки и рассечения заживают быстрее, чем даже на ведьмах.

– Ты ничего не понимаешь. – Она отвела глаза, не желая слишком явно его разглядывать. – Эта работа... лучшее, что я сделала в жизни. Дальше некуда расти. Не вижу перспективы.

– А дали бы премию – перспектива нарисовалась бы?

– Не знаю. Все эти утешения... премия, мол, не главное... А для меня главное, Мартин. Мне важно, чтобы меня... ценили. Меня оскорбляет игнор. И я не боюсь об этом говорить.

– Ты никогда не думала пройти инициацию? – Он улыбался.

Эгле поперхнулась:

– Ничего себе вопросы. Нет, знаешь, моя жизнь меня в целом устраивает. Действующая ведьма – это, как ни крути, не вполне человек, а на фига мне эти спецэффекты...

– Тогда бы ты получила премию наверняка. – Он прищурился. – Ни одно жюри не устоит против хорошего фокус-знака... Знаешь, что это?

Эгле поставила на стол свой бокал:

– Знаю. Ну и что?

– Ты могла бы получить что хочешь. Статуэтку. Заслуженно. В руки.

– А меня бы тогда выявили на следующем контроле в Инквизиции, – сказала она неуверенно.

– А ты бы не пошла на контроль. Ведьмы после инициации пускаются в бега, живут под чужим именем, подделывают документы. В мегаполисе, в толпе, кто тебя отыщет? Особенно если ты умеешь стелс-знак?

Она не могла понять, шутит он или говорит серьезно. Она вообще не могла его понять.

– Ты никогда не думала, каково это – быть действующей

ведьмой? – Он больше не улыбался. – Это значит власть. Решать в свою пользу. Получать что хочешь. Видеть насквозь. Не интересно, нет?

Она недоуменно смотрела ему в глаза, и он ломанулся в ее растерянность, как в открытую дверь. У Эгле перехватило дух: казалось, он ворвался в ее сознание и шарит там руками в грубых перчатках, проверяя на подлинность чувства, перебирая мысли. Инквизиторская манипуляция, самая гадкая, ее применяют разве что при постановке на учет...

Она отшатнулась, чуть не опрокинув стол. Зашатались бокалы. Он отвел глаза:

– Извини. Мне показалось, ты у них на крючке, в смысле, у ведьм. Готова к инициации. Я ошибся.

– Инквизитор, – сказала она, стараясь не заплакать от обиды, разочарования, унижения.

– Все ведьмы-убийцы были людьми, – сказал он шепотом. – А потом им что-то понадобилось. Деньги. Любовь. Власть. Статуэтка. А я здесь затем, чтобы вы не инициировались. Никогда.

Эгле встала. Ослепнув от слез, не могла понять, в какой стороне дверь.

– Послушай, – сказал он умоляюще. – Я последний человек, который желал бы тебе зла. Я видел, как тебя убивали. Ну прости ты мои профессиональные повадки, я не хотел тебя обидеть...

– А со своей матерью, ведьмой, ты тоже так поступаешь?!

Она успела увидеть, как расширяются его зрачки. Она его достала. Она уязвила, она попала в цель, она отомстила.

Шагая к двери, Эгле почти не плакала.

* * *

– ...Заново рожденная мать!

– Ко мне, дети. Ко мне.

Колоссальный смерч выросал среди мертвых городов, на развалинах, где полыхали бензиновые костры. Вихрь подхватывал языки пламени, волочил по спирали, нес по кругу все, до чего мог дотянуться – покореженные автомобили, тележки для покупок, промышленные холодильники, обломки асфальта. Смерч подхватил и закружил табун белых лошадей – живых карусельных лошадок. Их гривы развевались в темноте.

Ивга сидела на вершине черного конуса, не касаясь спинки резного кресла. Она была смерчем. Она была – свобода и вечное движение. Она подняла и развеяла ветром весь этот мир; среди обломков летали, кувыряясь и хохоча, ее дети. Их неудержимо влекло к ней, тянуло к центру, к черному столбу; они двигались, как лошади на краю воронки – по спирали, замороженные, приближаясь к обретению смысла, к самому ценному в мире, к единственному, что имеет ценность, – к матери...

– Дети, ко мне!

Сон оборвался. Ивга разлепила веки; она уснула на заднем сиденье. Машина стояла у ворот уже – Ивга посмотрела на часы – уже пятнадцать минут. Водитель терпеливо ждал.

– Спасибо, Глеб, надо было разбудить. – В ушах у нее звучал черный смерч. – Завтра лекций нет, значит, до послезавтра. Всего доброго.

– Всего доброго, госпожа Старж.

Ивга прошла по дорожке, выложенной красным кирпичом, поднялась на каменный порог и не сразу справилась с дверным замком. В доме пахло свежим деревом, мятой и немного сыростью. Над пустым камином стояла фотография Мартина-шестиклассника. Ивга прошла через гостиную на кухню, открыла окно, замерла, глубоко дыша, вцепившись в подоконник.

Страх перед новым пришествием Ведьмы-Матери никуда не девался все эти годы. Он мог быть приглушенным, полузабытым – но никогда не избытым до конца. Рядом с этим страхом всегда отиралось мучительное сожаление: абсолютная свобода. То чувство, с которым она поднялась когда-то на верхушку перевернутого смерча. И которого никогда больше не испытает.

Запищал телефон; Клавдий редко звонил ей с работы. Только в исключительных случаях – когда она попала в аварию за рулем, когда сломала ногу, когда Мартин сказал ей, что бросает юридическую школу и хочет быть инквизитором. Клавдий чувствует ее на расстоянии, с возрастом эта

его способность становится просто пугающей.

– Что у тебя? – спросил, не здороваясь.

– Все хорошо, я уже дома. Я немного беспокоюсь насчет Мартина...

– Я вернусь раньше, – и связь оборвалась. Ивга вздохнула, пытаясь успокоить сердце, прыгающее, как лягушка в молоке; Клавдий знал о ее страхе перед инициацией, но о сожалении он тоже знал. Хотя Ивга предпочла бы, чтобы он знал только о страхе.

Много лет назад Ивга, тогда еще аспирантка исторического факультета, дотошно описала все, что происходило с ней во время инициации – всю дорогу туда и обратно. Оформила как исследование по всем правилам, с применением научного инструментария, и дала прочитать Клавдию.

Тот прочел внимательно, несколько раз. Потом сказал: «Блестяще написано. Очень информативно. Если кто-то прочитает это, тебя убьют».

Оставлять в живых ведьму-мать, воплотившуюся в Ивге, было не только должностным преступлением, но и преступлением перед человечеством. «Но ведь никто не поверит, – сказала Ивга. – Решат, что это фантазии, литературщина, выдумка...» – «Для инквизитора, – отозвался он очень серьезно, – это не просто правдоподобно. Этот текст пахнет ведьмой, инициированной и очень опасной. Поверят, не сомневайся».

Тогда Ивга отформатировала жесткий диск с исходным

файлом, а распечатку сожгла в камине. Маленький Мартин лежал рядом на полу, подперев щеки ладонями, глядя на огонь...

Ивга остановилась у зеркала в прихожей: хорошо бы прогнать из глаз тревогу. Хорошо бы выглядеть спокойной и уверенной; она пригладила очень густые, рыжие с проседью волосы. Седина мало кому к лицу, Ивга – редкое исключение. Возраст идет ей, простецкая юная физиономия превратилась в тонкое взрослое лицо, с годами она стала неуловимо похожа на Клавдия. С кем поведешься.

Она вышла во двор с чашкой травяного чая, села на скамейку-качалку и привалилась спиной к подушкам. Был теплый вечер, пока еще летний, хотя на листве слоем пыли лежала усталость, и зацвел осенний розовый куст. В декоративном пруду плавали сухие листья и дрожал свет на водной поверхности. Зеленела давно не стриженная, усыпанная маргаритками лужайка.

Перед ней стоял дом, о котором она мечтала в юности, и виноград оплетал его так же густо и ровно, как Ивге когда-то хотелось. Именно здесь она перестала считать реальность вокруг затянувшимся предсмертным видением. Здесь она окончательно поверила: кошмар, в котором она прошла инициацию и стала Ведьмой-Матерью, – этот кошмар отменен, как ложный приговор. Она смогла, она это сделала, она физически вычеркнула из истории страшные полтора месяца. Теперь все будет по-другому: ведьмы не объявят чело-

вечеству войну. Не будет ни катастроф, ни терактов. Ивга с Клавдием останутся вместе, к вящему ужасу Инквизиции, аристократии и широкой публики. И Клавдий скажет: «Вот и все. Ведьмин век отменяется».

Потом была травля. Великого Инквизитора, женатого на ведьме, не готовы были терпеть ни герцог, ни общество. Ивга мечтала, чтобы все поскорее закончилось, чтобы Клавдий сдался, оставил свой пост и они вместе уехали куда-нибудь в глушь. Но она не до конца знала своего мужа, интригана и манипулятора: через несколько месяцев все обсуждали не союз инквизитора и ведьмы, а новый закон, подписанный герцогом: «Об интеграции ведьм в общество».

Только спустя много лет Ивга с удивлением поняла, каким чудом удалось развернуть неповоротливую инквизиторскую машину от традиционных репрессий к новому протоколу. Шаг за шагом, годами, десятилетиями, через протесты и демарши, и вот уже никого не удивляют ведьмы-преподавательницы, ведьмы-юристки, ведьмы-телеведущие; недавно группа журналисток потребовала называть ведьмами только тех из них, которые прошли инициацию и творят зло. А для тех, кто остались людьми, найти другое слово; идея обрела бы поддержку, если бы «слово» удалось придумать. Инквизиторский сленг для неинициированных ведьм – «глухарки», «спящие» – категорически не годился, а эвфемизмы – «эта самая», «такая женщина» – звучали вовсе оскорбительно.

Оглядываясь назад, Ивга понимала, что это были потрясающе счастливые годы. Пока вырослел Мартин. Пока она училась, а потом преподавала. Пока они жили размеренно и безмятежно в этом доме, где хризантемы вдоль забора. И если посидеть вот так, прикрыв глаза, и глубоко задуматься, то можно поверить, что дверь сейчас откроется и на порог выйдет десятилетний Мартин в зеленой пижаме с динозаврами, босиком, с винным бокалом, прикрытым ладонью:

– Мама, я встретил большого паука в ванной, ему угрожает опасность.

– Это мне угрожает опасность, – скажет Ивга, как сказала в тот день, много лет назад. – Я не хочу пить из бокалов, которыми спасали больших пауков.

– Паук чистый, – отзовется тогда Мартин. – Я же говорю – он только что из ванной... Но, если хочешь, я помечу бокал крестиком, чтобы ты ставила его папе. Он к паукам относится толи... толерантно.

Он вытряхнет паука в траву у забора. Поглядит на Ивгу через плечо и только тогда улыбнется; он шутил с непроницаемым лицом с того самого времени, как научился говорить. Ах, Мартин, какой же был золотой ребенок...

Ивга поставила чашку на столик, взяла из гаража садовый нож и начала срезать цветы, складывая их рядом на траву.

Бесшумно открылись автоматические ворота. Ивга посмотрела на часы: Клавдий вернулся не просто «раньше», он, судя по всему, просто бросил все дела и приехал. А это

сам по себе не очень хороший знак; он вышел из машины с неприятно жестким выражением лица, с которым привычно общался с подчиненными и которое обыкновенно снимал, как маску, по дороге домой. Встретившись с ней глазами, спохватился, улыбнулся, его лицо прояснилось, и многие влиятельные люди пожертвовали бы пять литров крови за одну такую улыбку.

– Как работа?

– Отлично.

– Ты звонила Мартину?

– Не хочу его понапрасну отвлекать.

Клавдий вытащил телефон, Ивга перехватила его руку:

– Не сейчас. Он взрослый человек, занят, на ответственном посту...

Клавдий ничего не ответил. Они понимали друг друга без слов – очень давно.

* * *

В кухне на полке стояли живописной группой керамические лисы – фигурки Клавдий привозил из командировок, дарили коллеги и приятели, покупал Мартин на первые заработанные деньги. Керамическая ваза-лиса помещалась на столе, пустая: Ивга наполнила ее водой. Поставила хризантемы, расправила букет. В кухне запахло осенью.

– Может, поужинаем? Съездим куда-нибудь, раз уж я вер-

нулся так рано? – Он говорил нарочито небрежно.

– Клав, со мной все в порядке. Почему ты не веришь?

– Пытаюсь понять. – Он открыл холодильник. – Точно не хочешь в ресторан?

– Меня беспокоит «Новая Инквизиция», – сказала она, и это была полуправда. – И мне не хотелось бы, чтобы Мартин опять рисковал собой. Он не полицейский. Где их полиция, спит?!

– Он отлично справился. – Клавдий разглядывал содержимое холодильника. Со спины Великий Инквизитор выглядел ровесником сына, но коротко стриженные, жесткие волосы были совершенно седыми. – Дело сделано, преступники под стражей, Мартин на высоте... А давай испечем рыбу на углях? Сегодня отличный вечер, тепло, но не жарко...

– Скажи, – Ивга на секунду запнулась, – что, если все эти годы ты ошибался?

Он обернулся с осторожностью, будто опасаясь, что после такого вопроса она швырнет в него керамической лисицей:

– «Все эти годы»? А поконкретнее временной промежуток?

– Ты всех убедил, что благополучие и свобода для ведьмы сокращают число инициаций. Что, давая нам образование, защищая, принимая, ты изменишь мир. Что действующих ведьм, убийц, разрушительниц... что их станет меньше.

– Есть же статистика, – он вынул из холодильника сырой лососевый стейк, – среди образованных, семейных ведьм с

доходом выше среднего вероятность инициации в два раза ниже.

– Всего лишь в два раза, – сказала Ивга.

Клавдий отложил рыбу. Вытер руки, уселся напротив:

– Поговорим?

– Так бы и сразу. А то – ресторан, отличный вечер...

– Во-первых, я тебя люблю, – сказал он серьезно.

– Ты меня жестко контролируешь. – Она приподняла уголки губ, желая смягчить свои слова.

– А я расту над собой. – Он не улыбался. – Я стараюсь контролировать тебя меньше. А это не просто, поверь, я же не железный. Мне тоже страшно.

– Тебе?!

– Мне не нравится, когда ты тоскуешь по инициации. Мне не хотелось бы тебя потом убивать. Я слишком стар для таких упражнений.

Керамическая лиса, рыжая, как костер, смотрела эмалевыми глазами безмятежно и глуповато; Клавдий не боялся называть вещи своими именами, это и пугало, и притягивало.

– Будешь рыбу? – спросил он другим голосом.

– Мне просто снятся сны. – Она перевела дыхание. – Снами я командовать не умею.

– Но ты мне не рассказываешь о снах. Ты говоришь: «Клав, со мной все в порядке».

Она умела выдерживать его взгляд – единственная из всех

ныне живущих ведьм.

– Как думаешь, есть ли способ удержать от инициации – всех? Кроме как передуть в юности или запереть в тюрьму пожизненно?

– Я такого способа не знаю. – Он смотрел прямо и жестко. – Думаю, не знает никто. Мое отношение к варианту «ноль» тебе известно.

– Тогда я еще спрошу. Как ты думаешь, зачем нужны ведьмы? Я имею в виду, эволюционно?

– «Древние идеалисты называли ведьму воплощением бессмысленности, – процитировал он на память. – Материалисты указывали на объективный исторический факт: поголовное истребление ведьм повсеместно влекло за собой закат цивилизации».

– Но статья еще не вышла, – пробормотала Ивга. – Она стоит в завтрашнем номере! И... ты же не учишь все мои тексты наизусть?!

– Я не виноват, что у меня хорошая память. – Он продолжил, будто лектор в академическом зале: – «В мифологии прослеживается четкий мотив: некий древний обряд был осквернен. Испорчен. Запачкан. Какой обряд имеется в виду? Разумеется, инициация. Обращение «Да погибнет скверна» изначально подразумевает не ведьм как таковых, а некий изъяс, отравивший обряд своим злом. Неинициированные ведьмы бывают добрыми либо жестокими, порядочными либо бессовестными, но действующие ведьмы добрыми не бы-

вают никогда. Ведьмы сами по себе – не зло, инициация – великое зло. Почему же любая неинициированная ведьма хоть раз в жизни задумывается о том, чтобы изменить свой статус? Интуитивно ведьмы предполагают, что на другой стороне обряда их ждет чудо, а не чудовище. Интуиция ведьмы, чутье ведьмы – древние явления, они не меняются тысячелетиями. Возможно, ожидание чуда – рудимент прежнего обряда, когда ведьма после инициации становилась не разрушительницей, а созидательницей».

Он проговорил все это без спешки, но и без единой запинки. Луч закатного солнца упал на керамическую вазу, и глаза лисицы оживились, зажглись, как если бы Клавдию удалось удивить даже ее.

– Садись, пять, – пробормотала Ивга.

– Неужели ты думаешь, что я не читаю твои тексты еще до печати?

– Скажи еще, что ты их визируешь.

– Обижаешь, мне не по рангу, я же не цензор. Кстати, цензор, который это пропустил в печать, уже вылетел с должности. И статью отозвали.

– Что?! – Она подскочила, как на гвоздях.

– Ты тут вообще ни при чем. – Он поднял ладони, будто заранее сдавался. – Кто виноват, тот расплатился. Заменили твоей же статьей, которая стояла на будущий месяц, так что...

– Но за что?! – Ошеломленная, она снова опустилась на

стул. – Что за крамола в этом тексте?!

– Ты пишешь об инициации, как о желанном и естественном шаге в жизни любой ведьмы.

– Ерунда. – Она вспыхнула. – Я прямым текстом пишу, что инициация зло!

– Прямым текстом – да. А между строк ты оправдываешь свое, лично свое стремление к инициации.

Ивге показалось, что ее голову опускают в ведро с ледяной водой. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, крошечная жуть его правоты и невозможность эту правоту признать.

– Ну прямо-таки оправдываю, – сказала она желчно. – Говорить об очевидном – значит оправдывать? Это... мракобесие, произвол... Да это просто глупо, если хочешь знать! Заметаем мусор под ковер, не говорим о ведьмах, не снимаем о них кино, не пишем книг, закрываем исследования... Отзываем статьи... Единственный допустимый жанр – профилактическая беседа...

– Если хоть одна девочка, прочитав это, задумается о чуде, которое ждет по ту сторону...

– Девочки не читают академических журналов! У нас жалкий тираж и специфический круг читателей!

– Ты не представляешь, какие широкие интересы бывают у девочек. – Он помолчал. – А статья прекрасная. Красиво. Мир, где нет Инквизиции и она не нужна. Девушка, осознавшая себя ведьмой, не переживает потрясение, не живет в страхе, не становится на учет... А проходит очищенный об-

ряд, и все, никаких смертей и терактов. Они смогут предотвратить катастрофы, а не устраивать, исцелять болезни, а не насылать... И я в этом мире был бы совсем другим человеком. – Он грустно улыбнулся. – Ивга, не обманывай себя.

– А ты себя не обманываешь?! – Ее горечь переплавилась в злость. – Права для ведьм, работа, учеба для ведьм, давайте полюбим ведьм, и они не будут проходить инициацию... Нет! Тяга к инициации заложена в нас, как бомба, Клав! изначально! Ни семья, ни личное счастье, ни любимая работа не гарантируют от взрыва! Если «чистая» инициация – мои фантазии, это... очень плохие новости. Значит, для выживания человечества эффективнее убивать нас, как только выясняется, что девочка – ведьма, и хрен с ними, со свободными искусствами. Либо вариант «ноль», либо конец человечества, вот как это выглядит!

Она перевела дыхание. Кажется, она случайно высказала глубинную правду – такую неприятную, что называть ее вслух было дурной приметой. Жаль, что произнесенные слова нельзя отозвать, как статью в журнале.

– Такой мир имеет свою логику, – медленно сказал Клавдий. – Но есть одна деталь: в таком мире мы с тобой мертвы. Мы не выжили и не должны были. Но поскольку у нас есть сын, есть мангал и есть рыба, есть дурацкая ваза и есть этот вечер... Мне кажется, что мы скорее живы, чем нет.

Все он понимал прекрасно. Не рассчитывал ни на какое чудо. Все эти годы, делая жизнь ведьм если не комфортной,

то хотя бы сносной, он строил мир заново вокруг одного человека. Это было эгоистично и не очень честно, но Клавдий Старж никогда и не был эталоном нравственности.

– А поскольку мы живы, – продолжал он медленно, – и родились не вчера, и справились с такими бедами, которые никому из нынешних и не снились, то... Ивга, изучай что угодно, но не обряд инициации. Мы оба ходим по краю. Пожалуйста, будь на моей стороне.

* * *

В детстве за «Твоя мать ведьма» Мартин расквасил пять или шесть носов и больше никогда не слышал этой фразы. То ли носы сделались дороги их обладателям, то ли нравы в целом смягчились. Сегодня Эгле Север поставила рекорд: давным-давно никому не удавалось укусить его так неожиданно и столь чувствительно.

Надо сказать, он сам нарвался. Сканировать ведьму, не твою подопечную, не на официальном приеме, – этично ли? У меня профессиональная деформация, грустно подумал Мартин. Я всех, всех хочу спасти от этой дряни, от инициации, которая превращает живого человека в безмозглый сгусток зла. И отлично знаю, что всех спасти невозможно.

Мартин посмотрел на часы; длинный рабочий день был, по всей видимости, окончен. Он вернется в арендованную Инквизицией квартиру, ляжет спать, а завтра с утра все сна-

чала...

Уже поднимаясь из-за стола, он вспомнил, что кофе-то дома весь вышел.

* * *

Кафе примыкало к огромному торговому центру. Такие пространства напоминали Мартину о смерти: все это невозможно ни съесть, ни выпить, ни износить за тысячу жизней. Хоть миллион ног одень в эти штанины, хоть миллион рук засунь в рукава. Не говоря о тончайшем белье, которое надевают, чтобы красиво снять. Не говоря о шерстяных пиджаках и вечерних платьях. Тонны барахла: если собрать все вместе и уронить человеку на голову, тот превратится в лепешку под грудой одежды. Толпы людей можно убить содержимым одного супермаркета. Я так устал, что становлюсь брюзгой, подумал Мартин.

Он поддался потребительскому соблазну – кроме пачки кофе, оплатил на кассе салат и бутерброды. С картонным пакетом под мышкой зашагал на стоянку и увидел впереди, в пятидесяти метрах, патрульного инквизитора в штатском. Узнал – Эдгар был его однокурсником по инквизиторскому колледжу, не сделал карьеры, зато стал отцом троих детей и служил оперативником в Однице, откуда и был родом. Мартин огляделся в поисках напарника – но Эдгар шел один, и это было вопиющим нарушением предписаний.

Мартин догнал его:

– А где напарник?

Эдгар отпрянул:

– Добрый вечер, патрон... Это инспекция?

С первого дня работы в Однице Мартин установил для себя правила общения с коллегами: доброжелательность, дистанция. Молодость была его уязвимым местом, он не мог себе позволить не только панибратства, но и мельчайшего отступления от протокола.

– Не инспекция. – Он прижимал к боку картонный пакет с продуктами. – Но вы в патруле без напарника.

– Форс-мажор. – Эдгар чуть покраснел. – Мы никогда не нарушаем инструкций. Но у Мило рождает жена... вот прямо сейчас...

– Где сообщение диспетчеру?!

– Патрон, спустите на тормозах. – Эдгар жалобно улыбнулся. – Дежурства осталось всего ничего. Потом заступит ночная смена. Обстановка спокойная, людей мало.

Патрульный не хотел конфликта. Никто не хотел конфликта.

– Правила написаны кровью, – сказал Мартин, и от банальности у него сделалось кисло во рту. – Спускать на тормозах не буду, взыскание получите оба. Но прямо сейчас – мы закончим дежурство вдвоем.

Эдгар мысленно выругался. Уныло кивнул и, играя желваками, двинулся вперед мимо освещенных витрин.

Мартин зашагал позади. Бумажный пакет с покупками теперь страшно мешал, занимая руки. Если бы сегодня Мартин забыл купить кофе или заехал в другой магазин, всем было бы легче.

На огромном рекламном экране, сменяя друг друга, носились машины, взлетали самолеты, смеялся щекастый младенец. В многоярусном пространстве торгового центра было безлюдно и просторно. Два покупателя на эскалаторе, влюбленная пара этажом выше – у автоматической кассы кинотеатра. Оживленнее всего шла торговля в супермаркете: люди хотят есть, пить, курить, жевать жвачку двадцать четыре часа в сутки... Сколько можно ныть, мысленно одернул себя Мартин. Вот магазин «Интимный ларчик», манекены в кружевном белье, мне бы подумать о приятном... или хотя бы посмеяться. Дурацкое название. Но белье хорошее, и цены вполне интимные... то есть соблазнительные.

Его глаза остановились на афише к фильму «Железный герцог»: аристократ, разодетый в шелка и бархат, посреди дымящихся развалин. Мартин замедлил шаг. Почему я не смотрю фильмы, о которых все говорят? Почему бы не пойти в кино прямо сегодня, когда закончится внезапное дежурство?

Герцог на афише растянул не улыбочивые губы. Мартин остановился; нет, не экран, не голограмма, не коммерческая уловка: картонный постер, наклеенный на пластик, не должен улыбаться. По коже пробежала колючая волна, Мартин

замер и прекратил дышать: в такие минуты очень важно не делать лишних движений.

Резиновый поручень эскалатора запульсировал, как пиявка, и снова стал неподвижным и жестким. То здесь, то там на краю зрения колыхались будто кисельные заплатки – словно мир вокруг был нарисован, причем небрежно, с изъятиями. Мартин опустил картонный пакет на пол, вдохнул и выдохнул, переходя в рабочий режим.

Эдгар шагал впереди, ничего не замечая. Возможно, уже мысленно обмывал рождение ребенка со своим другом Мило; контролируя дыхание, Мартин вытащил из нагрудного кармана красный маркер. Нанес на левую ладонь явь-знак – начертил за секунду против нормативных трех. Поднял руку, только тогда Эдгар что-то почувствовал и обернулся.

Витрина «Интимного ларчика» была залеплена ведьминым мороком, как строительной пеной, и теперь под действием явь-знака наваждение рассеивалось. Исчезли манекены в кружевном белье, открылся кремового цвета картон, загораживающий витрину, и надпись «Скоро откроемся». У Мартина задрожали ноздри: здесь только что была ведьма. Еще и след не остыл.

Эдгар подбежал бегом, томатно-красный:

– Час назад ничего не было!

Он слишком суетился и слишком орал. Когда у друга рождает жена, думаешь о чем угодно, только не о службе.

Мартин ногой распахнул стеклянную дверь. Магазин был

пуст, пол завален оберточной бумагой, на серых и белых рулонах цвели кровавые пятна, засохшие и свежие – на месте отработанного насос-знака. Ведьма работала под мороком, заманивала в магазин покупательниц, вводила в транс и, пока те видели сны наяву, насос-знаком откачивала чужие силы, здоровье, жизнь.

– ...Во время вашего дежурства. – Мартин узнал в своем голосе интонации отца.

Эдгар из красного сделался белым:

– Мы... я внимательно... огромная территория... постоянно... выходы... входы...

– Сколько здесь выходов?!

– Одну минуту, патрон. – Эдгар склонился над самым крупным кровавым пятном. – Она не далеко ушла... – Он коснулся свежей крови рукой в перчатке. – Наследила... не уйдет!

* * *

Самый нестойкий из инквизиторских знаков, явь-знак работает несколько минут, а потом разрушается. Иначе Мартин развесил бы явь-знаки повсюду – на плакатах, стенах и баннерах; оставалось только надеяться, что все, заходившие сегодня в «Интимный ларчик», останутся живы и отделаются слабостью, тошнотой и обмороками.

Эдгар бежал, как носорог по саванне, редкие покупатели

шарахались с его пути. Мартин держался позади, просчитывая варианты: либо ведьма ушла, тогда поздно куда-то бежать. Либо у нее здесь постоянное укрытие под мороком, и опять-таки не надо метаться, а надо вызвать подмогу, оценить торговый центр и идти с явь-знаком методично, шаг за шагом. В штатной ситуации с двумя патрульными Эдгар не демонстрировал бы сейчас служебный экстаз. Но они с напарником наломали дров, и Эдгар пытался исправить положение, как умел: быстро бегая.

То тут, то там Мартин натыкался на обрывки морока. Ведьма путала следы. Эдгар был сейчас ослеплен, как простой обыватель.

– Эдгар, стоп! – Мартину не хотелось кричать, но ничего другого не оставалось. То ли не слушая его, то ли не слыша, оперативник перемахнул через ограду эскалатора и побежал по ступенькам вниз. Бегал он отменно, особенно на короткие дистанции.

– Эдгар!

Редкие прохожие вертели головами, пытаясь понять, что происходит. Мартин замедлил шаг, потянулся за телефоном...

Рекламный экран переключил картинку. Из-под рожицы веселого младенца вынырнуло другое лицо: длинное, белое, обморочно-красивое, с тонкими злыми губами.

– Эд... Назад! – рывкнул Мартин. Оперативник по инерции сделал еще несколько шагов.

Экран пошел сетью трещин, но не погас, а засветился ярче. Так, сверкая, экран распался, развалился, и в каждом осколке хохотала бледная женщина. Хохот пронесся под крышей торгового центра, в ответ закричали от ужаса люди. Стекланные гроздья ринулись вниз, как стая птиц в полете, и синхронно вонзились в бегущего Эдгара: в грудь и спину, в шею, в лицо. Оперативник сделал еще шаг по инерции – и покатился по ступенькам, кувyrкаясь в фонтанах собственной крови.

* * *

Однажды девушка не приходит на очередной контроль, и ее не могут найти ни инквизиторы, ни родственники, ни друзья. Действующей ведьме не нужны деньги, документы, банковские карты, она и так может получить от жизни все, что хочется. «Ведьма соблазнила миллионера», «Ведьма угнала океанский лайнер» – заголовки желтых веб-сайтов не так уж грешат против истины. Другое дело, что большая часть действующих ведьм предпочитают тихо жить вдали от Инквизиции, потягивая энергию от соседей и случайных знакомых. Неприметные не так уж опасны, если не помнить, что они плодятся – иницируют новых ведьм. Соблазняют девушек обещаниями, почти не лживыми. Почти.

Мартин перепрыгнул через тело Эдгара, отца троих детей из Одницы, любителя посидеть с друзьями за бутылочкой и

сериалом. Рядом вопили, бежали, падали в обморок люди – Мартин не видел их и не слышал, он чуял ведьму. Убив инквизитора, та демаскировала себя, и теперь за ней стлался пряный, как перец, красный, как лента, выющийся в воздухе след.

Наверх. Выше. Парковка, нечистый асфальт, много свободного места. Счет на доли секунды.

Вопль на парковке; из полицейского внедорожника вылетает, как тряпичная кукла, человек, внедорожник срывается с места. Человек в полицейской форме остается лежать, он мертв, его поздно спасать. Пора спасать всех остальных – весь этот город, а внедорожник уже вырвался из гаража, снеся шлагбаум, ведьма отрывается, след остывает...

Но среди машин на стоянке стоит черный спортивный «Волк» с номерами провинции Рянка.

* * *

Завтра ошалевшие дорожные камеры пришлют тонну штрафов несчастному владельцу «Волка». Но тот все равно счастливее, что не столкнулся на стоянке с этой ведьмой. Ей нечего терять, и она пустилась во все тяжкие: завывая полицейской сиреной. Распуская вокруг потоки морока.

Прижимались к обочинам машины. Светофоры загораются в ночи неестественным фиолетовым светом. Линии электропередач пускались в пляс, окутанные искрами. Пе-

ред несущимся «Волком» разверзались пропасти, но Мартин не тратил энергии, чтобы развеивать наваждения. Он гнал и маневрировал, пользуясь тем, что за полицейской машиной освобождалась дорога, и следил только, чтобы расстояние не увеличивалось. «Волк» – отличный автомобиль, Мартин в детстве о таком мечтал, но не знал, каким образом мечта исполнится.

Ведьма оставляла по себе четкий след, такой ясный, что Мартин мог чувствовать ее. Как если бы она сидела перед ним в его кабинете: мощная, сытая... матрона в платье из пурпура и золота. Но по золоту уже ползут трещины, это растерянность. Замешательство нарастает, сменяясь отчаянием. Она считала себя неуязвимой, такое бывает с флэгведьмами в первые месяцы после инициации. Теперь понимает, в чем ошиблась и чем закончится для нее погоня, этот день... да и вся ее жизнь.

Мартин поймал себя на охотничьем азарте: отчаяние ведьмы было таким сладким, что он с удовольствием поиграл бы с ней подольше. Сжав зубы, он осознанно погасил в себе это чувство. Он не охотник и не палач и никогда таким не будет.

Ведьма уставала. Начала ошибаться. Задела одну машину, другую, потеряла темп. Чуть не вывалилась на встречу. Ведьме было больно. Она все больше впадала в панику. Приближался конец заезда.

Сирена заткнулась. Полицейский внедорожник резко

свернул, вломился в пластиковый щит под знаком «Ремонт дороги». Мартин повторил маневр, «Волк» пронесся по обломкам щита. В метре перед лобовым стеклом возникла бетонная стена. «Волк» пролетел сквозь нее, стена была построена из морока. Мартин снова увидел впереди полицейскую машину – на узкой грунтовой дороге. И на обочине – самосвал с оранжевым кузовом, груженный щебенкой. Совершенно реальный.

Он ударил – на расстоянии дотянулся до ее нервной системы. Ведьма дернулась, против воли поворачивая руль. Внедорожник по касательной задел самосвал и отлетел в канаву напротив. Мартин затормозил, повиснув на ремне; ведьма ворочалась на сиденье полицейского автомобиля, оглушенная. Не играть, напомнил себе Мартин. Просто выруби ее, пусть потеряет сознание.

Он выбрался из спортивной машины. В этот момент ведьма локтем выбила треснувшее боковое стекло, оскалилась – и схватила его за сердце.

* * *

Ивга села в постели. В окно скребла ветка яблони. В комнате было совершенно темно.

– Он погиб, – сказала Ивга. – Мартин погиб.

Клавдий сорвался с кровати моментально и беззвучно. Загорелся во мраке экран телефона. Ступая босиком, Клавдий

вышел из спальни, Ивга услышала его приглушенный голос, но не разобрала слов. Она пыталась вспомнить свой сон: ощущение пропасти, больше ничего не вспоминалось.

Ужас мешал ей дышать. Она сидела и слышала скрип ветки и отдаленный голос Клавдия, отрывистый, глухой, жуткий...

Потом он вернулся и включил лампу у постели:

– Мартин жив.

* * *

Осыпалось разбитое стекло. В отдалении выли сирены. Мартин осторожно потрогал ребра: сердце тупо покалывало. Неприятная атака.

Флаг-ведьма, загнанная в угол, опасна, как валящийся на голову строительный кран. Беспечность Мартина могла обойтись ему дорого, но, войдя с ним в близкий контакт, ведьма поняла, кто он. Почему-то сын Клавдия Старжа и Ивги, урожденной Лис, приводил ведьм в шок самим фактом своего существования. Наверное, в этот момент у них рушилось представление о мире, как если бы лед варился в кипятке или рыбы цвели на деревьях. Воспользовавшись ее мгновенным замешательством, Мартин вырвался из захвата и оглушил ее. Ведьма повалилась без сознания, не чувствуя боли, не думая о будущем; стоп-знак – гуманное, очень гуманное оружие. Этически безупречное.

Но отец-то каков. Зачем сразу звонить, тем более что в Вижне уже поздняя ночь?!

– Жду полицию и наших, – сказал Мартин в трубку. – Две жертвы. Эдгар... и еще офицер.

– Ты можешь сказать матери пару слов?

– Тут полиция подъехала... Передай маме, я в порядке.

Мартин нажал «отбой», хотя полицейские машины только поворачивали с трассы на проселок. Он не был готов сейчас говорить с матерью и страшно жалел, что его родители, каждый по-своему, могли контролировать его жизнь – хотя бы и посредством кошмарных снов.

* * *

– Прости меня. – Ивга сидела на краешке постели. – Какой-то бред. Этот парень, Эдгар, он же ровесник Мартина...

Клавдий обнял ее:

– Через три минуты за мной придет машина. Ты точно в порядке?

– В полнейшем. И – ты одевайся тогда, Клав, ты же не в пижаме полетишь в Одницу?

– Могу себе позволить. – Он ухмыльнулся. – Хоть голым. В Однице тепло.

На по-настоящему смешные шутки у них сейчас не хватало чувства юмора. Поэтому они шутили как придется, лишь бы сделать вид, что ничего не случилось. А между тем па-

ника уже плескалась выше ватерлинии, подступала к горлу, Ивга мечтала, чтобы Клавдий поскорее уехал, и с ужасом думала, что будет, когда за ним закроется дверь.

Сердце, оказывается, помещается у человека прямо посередине груди, высоко под горлом. И оно прыгает так, что слышно по всей комнате.

Ивга накинула халат, бесцельно открыла шкаф, вытащила стопку совершенно не нужных сейчас рубашек:

– Если я скажу, чтобы ты был осторожен...

– Пусть все остальные будут осторожны, Ивга. Я страшен в гневе.

Снаружи подъехала машина. Ивга торопливо поцеловала Клавдия в щеку – скорее в ухо, чтобы он не видел ее лица. Но сердце-свидетель, будто камень в катящейся бочке, – сердце в этот момент грозило проломить ребра.

Он небрежно взял ее за запястье – сосчитал пульс. Отстранился, заглянул в лицо. Вытащил телефон:

– Алекс, пока что отбой. Вылет откладывается.

– Клав, со мной все в порядке... – пробормотала Ивга.

– Тихо. – Он протянул ей стакан с водой, но у Ивги дрожали руки, тогда Клавдий придержал стакан и помог ей напиться. – Я тебя в таком состоянии одну не оставлю.

Он уложил ее в постель и сам лег рядом. Обнял. Окутал спокойствием, будто коконом, заключил в броню. Ивга задышала в такт его дыханию. Сердце перестало колотиться и прыгать. Руки наконец-то согрелись, и она уже не цеплялась

судорожно за его плечи, а просто обнимала, радуясь, что он рядом.

Медленно, секунда за секундой, Ивга расслаблялась, плывя по течению, ничего не пытаясь контролировать, передавая себя, полностью доверяя.

А потом она уснула, и на этот раз в ее снах не было кошмаров.

* * *

Такси застряло в пробке, теперь Эгле неслась к дальнему выходу, лавируя в толпе, прыгая через чьи-то сумки, в то время как голос в динамиках выговаривал с укоризной:

– Эгле Север, вылетающая рейсом двести пять в Вижну, немедленно подойдите на посадку к выходу семьдесят семь! Посадка закончена!

Она подскочила к стойке, протянула посадочный талон, изобразила виноватую улыбку. У выхода собирались пассажиры на следующий рейс. Работал экран под потолком, транслировал новости:

– ...миф о благополучии разбился как стекло: в торговом центре «Одница» во время несения службы погиб инквизитор, на парковке того же комплекса ведьма убила полицейского. Наш корреспондент на месте событий задает вопрос: кто может рассчитывать на защиту, если ни правоохранители, ни профессиональные борцы с ведьмами не в состоя-

нии...

Мелькали кадры: оперативные съемки прошлой ночи, тепло под простыней. Сегодняшнее утро: общий план торгового центра, улица, вывеска кафе на первом этаже... В этом самом кафе вчера вечером Эгле сидела с Марином!

– Девушка, вы хотите улететь или нет?!

Эгле бросилась вперед по гофрированному рукаву. В самолете упала на свое место и, не обращая внимания на заперт, включила ноутбук. Открыла новости...

«Верховный инквизитор Мартин Старж не дает комментариев журналистам».

Эгле прикрыла глаза; значит, убили другого.

* * *

У ведьмы было длинное белое лицо, длинные черные волосы, длинный бесцветный рот. Она ненавидела Мартина и мечтала ему отомстить:

– Твоя мать тебя презирает.

Флаг-ведьма, злая, как осиный рой. В колодках, в подземной камере, в окружении дознавательских знаков и вонючих смоляных факелов. Мартин ненавидел это место.

– Вы идентифицированы как Норма Бортнич, зарегистрированная в Вижне, объявленная в розыск два месяца назад...

– Ох, как она тебя презирает. Ведьма, мать инквизитора. Когда ты сдохнешь, у нее гора упадет с плеч. Ты ее горе, ее

клеймо...

И еще Мартин ненавидел иметь дело с флаг-ведьмами. Они хлестали откровениями, блевали пророчествами, вперемишку истинными и лживыми, лишь бы поглумиться.

– Кто вас инициировал, когда, где?

– Удавился прямо сегодня. Сделай подарок той ведьме, которая считает сына куском дерьма... Смотри-ка, сердечко запрыгало! – Она расхохоталась. – Не любишь все знать про себя. Ты...

Она замолчала и перевела взгляд на дверь, ее смех оборвался. Железные створки со скрежетом распахнулись – двери положено было скрежетать, по традиции ее не смазывали, но входить в камеру во время допроса персоналу категорически запрещалось; разглядев в свете факелов, кто пришел, Мартин понял, почему замолчала ведьма.

– Да погибнет скверна, – сказал Клавдий Старж. Капюшон черной хламиды закрывал его лицо. Глаза в прорезях ничего не выражали. Великий Инквизитор был в модусе дознавателя, от него исходила столь мощная волна принуждения, что даже Мартину сделалось не по себе, а ведьма затряслась, и ее улыбка превратилась в гримасу.

Клавдий остановился перед закованной женщиной, и та сделала отчаянное усилие, чтобы вырваться из колодок. Клавдий перевел взгляд на Мартина:

– Спасибо, куратор. Вы свободны.

– Но...

– Отключите оперативную запись, сейчас, чтобы я видел, – сказал Клавдий, не повышая голоса.

Красный огонек видеокамеры под потолком погас: техник снаружи не посмел послушаться. Мартин оценил свои силы: нет, он тоже не посмеет возражать. Когда Великий Инквизитор в таком состоянии, с ним не спорит никто. Единственный способ сохранить лицо – сделать вид, что согласен и действуешь по доброй воле.

Мартин посмотрел на ведьму: ее бледность сменилась прозеленью. На лбу проступили капельки пота. Минуту назад она готова была сожрать его живьем, теперь беззвучно шевелила губами, будто о чем-то умоляя.

* * *

Дворец Инквизиции Одницы был архитектурным памятником. Если считать архитектуру застывшей музыкой, это здание похоже было на похоронный марш, воплощенный в граните. Мартин являлся сюда только в случае крайней бюрократической надобности, во все другие дни предпочитая свой офис с аквариумом, большими экранами на стене и кофеваркой в углу. В дворцовом кабинете Мартин даже кофе не пил никогда – не располагала атмосфера. Черные мантии в шкафу, огромный стол и дубовые стулья помнили его предшественников. Инквизиторы прошлого смотрели на Мартина с портретов – в пафосных позах, с суровыми желчными

лицами, готовые губить скверну, не прерываясь ни на обед, ни на прогулку.

Рано утром Мартин лично навестил семью Эдгара, это было ужасно. Погибший полицейский оказался другом комиссара Ларри: Мартин не узнал комиссара по голосу, когда тот до него дозвонился. Люди в шоке, в горе, в ужасе, – но ведьму-то зачем пытаться?!

Ведьмы иррациональны. Мотивов не добьешься. Кто инициировал, не отыщешь. Мартин проводил стандартный допрос, зная, что не получит ответов, и ведьма старалась его уязвить, и да, вполне успешно. Не зря она так хохотала. Что ж, теперь не смеется; Мартин не мог забыть ужаса на ее лице, за мгновение перед тем, как он вышел в скрипучую дверь, оставляя ведьму наедине с Великим Инквизитором. Зачем это нужно его отцу, ведь сколько ее ни мучай, погибшие не оживут?!

За окном, на площади, люди в шортах и легких платьях садились в туристический автобус, и на лицах у них не было ни намека на скорбь. Лето шло своим чередом, ужаснулись – и забыли. Дворец Инквизиции – старинное здание, достопримечательность курортного города: какой же он старый, мрачный, какой жуткий с виду! Ну что, поехали в аквапарк?

Сколько можно торчать в проклятом подвале?! Мартин потерял счет времени: пять минут прошло, пятнадцать или пятьдесят?!

Тридцать лет назад допрос с пристрастием был рутинным элементом дознания. Всеобщим. Обыкновенным. Любую сколь-нибудь опасную ведьму, если удавалось взять ее живой, допрашивали под пыткой. Когда Клавдий добился отмены этой процедуры, его обвинили в развале Инквизиции и сотрясении основ.

Теперь он прилетел в Одницу спецбортom и ввалился в подвал. Выражение лица Мартина, будучи расшифровано словами, заняло бы тридцать страниц убористого текста. И все с восклицательными знаками.

Оперативник Эдгар был мертв, его тело лежало в полицейском морге. Мысль, что на его месте мог быть Мартин, дорого стоила ведьме-убийце.

Он сидел, сцепив пальцы на столешнице, глядя сквозь прорези капюшона, не используя даже инквизиторских знаков, – уцепившись за ее взгляд, как за нитку, жестко при-
нуждая, и ведьма больше не сопротивлялась:

– Я не знаю такого пророчества!

– А если я еще раз спрошу?

– Нет такого пророчества... – Она боялась замолчать хоть на секунду. – Но есть другое... о Великой Матери...

Клавдий похолодел:

– Мать-Ведьма придет к вам, ведьмы станут единым ро-

ем...

– Нет! – взвизгнула ведьма. – Не придет! Мы должны прийти...

– Куда?!

– Она сидит на Зеленом Холме и ждет своих детей.

– Где находится холм?

– Не знаю. Чтобы войти, надо принести жертву... Убить. Инквизитора. Тогда она примет...

– Ты принесла жертву?

– Да. – Она на секунду успокоилась, задышала ровнее. – Теперь Мать меня ждет.

– Где?! – Он привстал на месте и, сам того не желая, сильнее надавил на нее. Она забилась в колодках:

– Я не знаю. Я не помню. Я больше ничего не могу сказать.

Он наконец-то позволил ей потерять сознание. Откинул капюшон, поискал сигареты в кармане и вспомнил, что не курит уже двадцать лет.

* * *

Ивга ответила моментально – как если бы все это время не выпускала трубку из рук.

– Ты дома? – отрывисто спросил Клавдий.

– Что с Мартином?

– Все хорошо... Слушай. Через пару минут к тебе подъедут ребята из оперативной службы. Они посидят в гости-

ной, дождутся меня. Если хочешь, угости их чаем.

– Ты что... я под арестом?!

– Я скоро приеду, – сказал Клавдий. – Просто меня дождись.

Связь оборвалась.

* * *

Мартин ненавидел журналистов, даже добросовестных, и те платили ему ответной ненавистью; что бы ни сделал куратор Одницы, все было не так, не то и не вовремя. Патрули на пляже отпугивали туристов, но действующие ведьмы тоже туристам не нравились. Профилактические беседы в школе нарушали права детей, отсутствие информирования нарушало их права еще больше. Куратор Одницы злоупотреблял властью, одновременно был мягкотел и не способен применить власть. Но самое страшное – Мартин Старж был сыном своего отца, как если бы эта семейка превратила Инквизицию в частную корпорацию.

Теперь наконец-то появилась новость, сама по себе приводящая в ужас: убийство инквизитора! Трагическая смерть полицейского от рук ведьмы! Мартин вызвал своего заместителя и перепоручил ему все контакты с возмущенной общественностью.

Заместитель был, конечно, навязан ему Вижной и лично отцом, но Мартин не мог не понимать, что выбор идеальный:

опытный администратор, седой и представительный с виду, всю жизнь проработавший в округе Одница, но лишенный амбиций и не претендующий на кресло куратора, Дарий был незаметен, но незаменим; Мартин выдал ему информационную справку и наделил полной свободой действий.

– Сообщать ли публике о прибытии в Одницу Великого Инквизитора, патрон? – осторожно спросил Дарий.

– Нет, – сказал Мартин. – Публика обойдется.

По всем каналам смаковали гибель Эдгара, иногда сообщая мимоходом, что ведьма задержана. А иногда забывая об этом сообщить. Мартин в раздражении захлопнул ноутбук; он бы дорого дал, чтобы не думать о том, что происходит в подвале. Ведьма, конечно, выложит отцу абсолютно все, в том числе и вот это, о Мартине: «Когда ты сдохнешь, у нее гора упадет с плеч. Ты ее горе, ее клеймо...» Вряд ли для Клавдия Старжа такое признание будет новостью. Но Мартин надеялся, что это все-таки не совсем правда. Что ведьма сильно преувеличила, желая его уязвить...

Без стука открылась дверь.

– Я забираю ее в Вижну, – сказал Клавдий Старж, как будто речь шла о банке с крысой.

– Я отстранен от дела? – осведомился Мартин.

– Вы закончили свою часть расследования и передали выше. – Великий Инквизитор прошелся по кабинету. Среди этих стен и этих портретов человек в черной хламиде, с хищным жестоким лицом казался совершенно уместным, куда

уместнее Мартина. — Мне по-прежнему недостаточно информации. Действующие ведьмы, задержанные, осужденные — всех в допросную.

Мартин сдержался и промолчал, но это его не спасло. В ответ на незаданный вопрос Великий Инквизитор оскалился:

— Я их пытаю потому, что я садист. Мне просто нравится их пытать. Так понятнее?

Мартин выше поднял голову:

— Я не требовал передо мной отчитываться, патрон.

— Как это мило с твоей стороны! — Отец смотрел тем самым взглядом, который большая часть его подчиненных выдержать не может. — Твои люди патрулируют в одиночку, инструкции спущены в унитаз. Ведьмы убивают инквизиторов, а ты даже не требуешь перед тобой отчитываться! Быстрее, я жду! Звони, отдавай распоряжения!

Мартин поднял старую телефонную трубку на витом шнуре. Всего-то и надо было сказать несколько слов, но горло саднило, будто засыпанное песком. Великий Инквизитор расхаживал за его спиной по кабинету, и даже Мартину было нелегко находиться с ним в одном пространстве.

Мартин сообщил тюремщикам, что надо сделать, и опустил трубку на рычаг — трубка легла, как камень на душу.

Из Дворца Инквизиции Мартин поехал в свой офис – у него было несколько приемных часов и законное право не встречаться больше с отцом в этот день. Когда Великий Инквизитор перезвонил по дороге в аэропорт, у него был совсем другой голос – суховатый и насмешливый по обыкновению, но без свинцовой тяжести, не страшный:

– Собирайся в Вижну на будущей неделе. Внеочередной Совет кураторов.

– Да, патрон.

– По делу оперативника, самовольно оставившего пост, жду служебного расследования и отчета.

– Да, патрон.

– И позвонил бы ты матери.

– Да, патрон...

– Нам надо поговорить, – после паузы сказал отец в трубке. – Не по телефону.

– Да... – начал было Мартин и осекся.

– А пока просто поверь мне. Это было необходимо. И я это делаю затем, чтобы ты никогда – никогда! – этого не делал, понимаешь?

– Нет, – сказал Мартин. – Не понимаю.

– Ладно, – отрывисто сказал отец. – Когда приедешь в Вижну, запланируй, пожалуйста, семейный ужин. Дома или

где ты выберешь. Мама давно тебя не видела и очень скучает.

Мартин промолчал.

– А флаг-ведьмы врут, – тихо сказал отец. – Они врут, чтобы причинить нам боль. Всегда так было.

Мартин снова ничего не ответил.

– Кто знает, сколько людей она погубила бы в будущем... если бы не ты. – Голос в трубке вдруг охрип. – Ты... очень хорош, Мартин. Я тебя умоляю, будь потрусливее. Хотя бы поосторожнее. Пожалуйста.

* * *

Клавдий откинулся на пассажирском сиденье. Машина гнала по трассе к аэропорту; Мартин никогда не рвался занять высокое кресло. Клавдий долго уговаривал его согласиться на должность, за которую другие готовы были грызть друг другу глотки. Разумеется, Клавдию важно было иметь своего человека в Однице – но больше всего он надеялся, что Мартин, сидя в кабинете, отдалится от оперативной работы.

И вот цена его надеждам. Мартин, конечно, прирожденный оперативник... Но там, где эта ведьма убила одного инквизитора, она спокойно могла убить двоих.

Клавдий досчитал до десяти, несколько раз вдохнул и выдохнул, перезвонил Ивге:

– Привет. Ребята на месте?

– Давно. Проголодались. Я разогрела пирог с мясом. – Ее

голос звучал как обычно.

– Скажи, что они могут возвращаться на базу. Нет, лучше дай трубку Дану, я сам скажу.

Она задержала дыхание:

– Что-то опять... изменилось?

– Роения ведьм нет, прихода Великой Матери никто не ждет, остальное пока потерпит.

– Я очень люблю тебя, Клав, – тихо сказала Ивга.

У него заболело сердце.

– Мартин тебе звонил? – Уже задав вопрос, он сообразил, что мало времени прошло, они говорили с Мартином меньше минуты назад.

– Даже не думал. – Она чуть усмехнулась в трубку.

– У него тоже тяжелый день, – пробормотал Клавдий. – Я скоро вернусь... Постарайся отдохнуть, хорошо?

* * *

– ...И ты подумал, что убийство ритуальное, – Ивга бледнела на глазах, – что случилось то, чего мы так боялись...

– Все в порядке. – Он положил ей руку на плечо. – Я проверил информацию и теперь говорю тебе совершенно точно: мне показалось.

Он не стал рассказывать ей, что вытащил на допрос всех действующих, сколько их было в тюрьме. Как пытался выжать из них пророчество о Ведьме-Матери, но они понятия

не имели, о чем он их спрашивает.

– Зеленый Холм, – прошептала Ивга. – Никогда не видела такого сна. Я видела – промзону, вихрь, лошадей в воронке... ты понимаешь. То, что было на самом деле.

– Ведьмы не только лгут, но и обманываются. Эта сволочь вытащила образ Матери-Ведьмы из меня – из моего сознания. Знаешь, они иногда видят скрытое.

– Знаю. – Ивга принужденно улыбнулась. – Я... очень испугалась, когда ты позвонил.

– Все, забудь. Не о чем беспокоиться.

Они сидели во дворе своего дома, в полумраке. Едва подрагивали листья винограда, оплетающего крыльцо и стены, веранду, балкон. Черным зеркалом стояла вода в искусственном пруду. Фонари, за день напивавшиеся солнечным светом, теперь отдавали его ночи: желтые, белые, голубые огни отражались в глазах Ивги.

– Кем она была?

– Ты уверена, что тебе это нужно?

Она кивнула.

– Норма Бортнич, – сказал Клавдий. – Двадцать девять лет, университетская преподавательница. Квантовая физика. Международный успех, статьи в рецензируемых журналах...

– Я же ее знала, – прошептала Ивга.

Отражение огней дрогнуло в ее глазах.

– Я ее знала... Блестящая, умная... По-настоящему доб-

рая. Знаешь, бывают такие люди... Пристраивала бездомных собак... Помогала всем, даже без просьбы... Почему она?!

Клавдий вспомнил флаг-ведьму в колодках. Он просматривал позже ее странички в социальных сетях – и не мог узнать. Человека будто стерли ластиком, осталось воплощенное зло.

– На будущей неделе у нас ужин с Мартином, – сказал, чтобы ее отвлечь. – Он попросил, чтобы мы сами выбрали ресторан.

Ивга рассеянно кивнула:

– Спасибо, Клав.

Она обняла его, положила голову на плечо и закрыла глаза.

* * *

Тридцать лет назад Ивга впервые проснулась в одной постели с Клавдием Стражем, и было это в отеле, в Однице. Тому памятного утру предшествовало несколько мучительных дней: оба они пытались понять, не повторяются ли заново события, возвестившие приход Ведьминого века – эпидемии, мор, восстание ведьм и ответные самосуды. Не собрались ли ведьмы в рой, не маячит ли впереди чудовищная воронка, не пришел ли миру конец.

Ивге было восемнадцать лет, за последние полтора месяца она прожила целую жизнь и, пожалуй, повторила бы путь с

начала – если бы не костер, приготовленный для Клавдия, и не воронка, ждущая Ивгу в конце пути. Один раз она смогла выбраться из этой воронки, но была уверена, что в другой раз не справится.

Тогда, тридцать лет назад, лето выдалось прохладным и пасмурным. Развилкой, которую Клавдий считал решающей, был концерт на стадионе в Однице. В прошлый раз Клавдий предотвратил здесь чудовищный теракт, панику на трибунах и «много-много парного мяса». Он добрался до ведьмы, и та покончила с собой – проткнула сердце серебряным кинжалом с витой рукояткой.

– Если она не появится на концерте – развилка пройдена, и мы не идем по кругу. Эта ведьма – ключевой свидетель. Дождешься меня, пока я слетаю в Одницу?

– Клавдий, – сказала Ивга. – Я с вами... с тобой.

Технический персонал глазел, позабыв о приличиях. Великий Инквизитор всегда был свободен в привычках, но возить служебным рейсом юную ведьму даже для него было слишком смело.

В Однице их встретила Федора, заместительница тамошнего куратора, властная женщина средних лет, и ее взгляд поразил Ивгу до глубины души:

– Почему она на меня так смотрит?

– Она думает, что ты моя любовница.

– Ты можешь сказать ей, что... нет?

– Уже сказал. Она не верит.

Узнав, что Клавдий с Ивгой идут на стадион, заместительница куратора взбеленилась еще больше: в ее картине мира Великий Инквизитор развлекал юную подругу на концерте суперзвезды, на лучших местах, для отвода глаз прикрывшись оперативным мероприятием, фальшивым, вымышленным. Взгляды, которые она бросала, и тон, которым она произносила самые простые слова, оставляли у Ивги тухлый привкус во рту. В конце концов Ивге захотелось, чтобы ведьма, которую они ждут, все-таки явилась, устроила катастрофу, и пусть Федора вопит от ужаса.

Переполненный стадион выл, орал, в перекрестке лучей явился всеобщий кумир, а Клавдий сидел, перейдя в оперативный режим, и хорошо, что Ивга смотрела на него глазами неинициированной ведьмы. Она помнила, как он выглядит, если взглянуть глазами действующей. И не хотела бы увидеть это снова.

Три часа шел концерт. Три проклятых часа, с перебивками, с группами «на разогреве», со все возрастающим градусом юной толпы. Клавдий сидел, раздувая ноздри, вслушиваясь в этот стадион, вглядываясь, внюхиваясь; оперативники в полной готовности ждали в автобусах у входов.

Наконец представление закончилось фейерверком. Люди стали выходить, организованно, секторами. Стадион пустел. Клавдий смотрел перед собой стеклянными глазами, Ивга боялась спросить и боялась пошевелиться.

Они остались на трибуне одни – если не считать опера-

тивников в проходах.

– Вот и все, – сказал Клавдий. – Мы свободны. Ведьмин век отменяется.

Ивга не могла поверить очень долго. Последние дни она стояла на своей обреченности, как на льду, и, когда обреченность растаяла, Ивга провалилась, будто в омут.

Клавдий до глубокой ночи сидел в ее гостиничном номере, обняв ее, согревая, выравнивая дыхание. Окутывая спокойствием, заставляя расслабиться. Она задремывала в его руках и просыпалась. А потом потянулась и поцеловала его первый раз в жизни, почуяла вкус его кожи и поняла, что не может остановиться.

– Ты уверена? – спросил он хрипло.

Она была уверена. Ей хотелось жить. А он ведь был для нее очень важным, самым важным, она перевернула мир ради него. Было чудом, что его руки не превратились в пепел, его губы не стали прахом, Ивга не сделалась центром воронки в небе, она могла обнимать его и чувствовать под ладонями его старый шрам на спине и шрам на груди, и позволять ему касаться себя, и доверять, и растворяться в нем, и никогда она такого не испытывала, впрочем, опыт ее был ничтожен.

На другое утро она проснулась с ним в одной постели, в одном гостиничном номере, и, заматавшись, судорожно начала одеваться.

– Ивга? – спросил он, протирая глаза. За окном едва на-

чинался рассвет, а ведь было лето и светлело рано.

– Мне надо уехать, – бормотала она. – В Ридну. К тетке...

– Куда уехать?! Зачем? Я думал, ты останешься со мной...

– С тобой рядом нет места. Для таких, как я. Я была нужна для работы. Теперь все кончилось, я не нужна, я исчезну.

– Ивга, – он сел и поймал ее за руку, – выходи за меня замуж, пожалуйста. Будь моей женой.

– Так не бывает, – сказала она после паузы. – Это... нет, так не бывает. Это мезальянс, кто ты и кто я. Нет.

Ломая ногти, она зашнуровывала кроссовки.

– Прости, – сказал он упавшим голосом. – Я забыл, сколько мне лет. В твоем возрасте... не стремиться замуж за такого, как я, – нормально, естественно. Останемся друзьями, я помогу тебе, ничего взамен не требуя. Куда ты удираешь?!

Она обернулась и увидела, что он не шутит. Он выглядел убитым, расстроенным, растерянным – она понятия не имела, что он способен на такие чувства.

– Клавдий. – Она мигнула. – Вы... Ты что, серьезно?!

– Что – серьезно? – Он отвел глаза. – Прости, если тебя обидел.

– Я тебя люблю. – Она всхлипнула. – Я...

Ее прорвало, она бросилась к нему, обняла за шею и горько заплакала. Никогда она так глупо и взбалмошно не вела себя в его присутствии. Следила все-таки за собой, сохраняла достоинство.

– Я больше всего на свете хотела бы с тобой... остаться, –

рыдала Ивга. – Мне все равно, сколько тебе лет, какое это имеет значение?! Но... это же... невозможно!

Он гладил ее по голове:

– Ты просто устала. Ты ужасно устала за все это время. Но теперь-то можно вздохнуть спокойно. Я, если честно, очень тебя люблю. Я бы мечтал быть с тобой. Никаких обязательств. Не хочешь принимать мою помощь – не принимай. Но я готов помочь тебе в любой момент, только скажи.

– Ты не можешь на мне жениться, я ведьма, как ты женишься на ведьме, ты же Великий Инквизитор?!

– Ивга, – сказал он ласково. – Ты этого хочешь? Или нет? Я не обижусь, не разозлюсь, я тебя не брошу. Просто скажи: ты выйдешь за меня замуж?

С тех пор прошло тридцать лет.

* * *

Она сидела в высокой траве, чувствуя запах как звук – тончайший звон. Чувствуя прикосновение как цвет – от изумрудного до янтарного. Над головой замерло солнце – умиротворенное, мягкое, отыскавшее покой в своем зените. Качались метелочки травы. Вверх по склону поднимались ее дети, и протягивали руки, и смеялись от радости. Все соберутся, все, никто не заблудится, никто не опоздает, потому что она любит всех своих детей одинаково.

– Заново Рожденная Мать!

От их голосов Ивга проснулась. Нашупала выключатель настенной лампы. Зажмурилась, когда загорелся свет. Ей захотелось проснуться еще раз.

Клавдий моментально открыл глаза – и встретился с ней взглядом. Сел на постели.

– Клав, это... это всё, – прошептала Ивга. – Спасибо, это была хорошая жизнь... Благодаря тебе...

– У тебя паническая атака?!

– Я видела сон. – Ивга закрыла руками лицо. – На Зеленом Холме... Это конец, ведьмы ждут свою мать, готовы объединиться в рой...

– Или ты просто видела сон. – Он обнял ее, прижал к жесткому горячему боку.

– Полный любви. К ведьминому роду. К своим детям.

– Сколько их было уже, твоих снов?! Ивга, – он отстранился, положил ладони на ее виски, заглянул в глаза, – роение ведьм выглядит по-другому. Это серия катастроф, серия, а не пара убийств. Это система явлений. Это восстание в полный рост. Когда упал самолет семь лет назад, все виделось гораздо хуже. Но и это не было пришествием ведьмы-матки.

– Меня нельзя оставлять в живых, – пробормотала Ивга.

– Тебя уже тридцать лет как нельзя оставлять в живых. Это что-то меняет?

– Ты сумасшедший. – Ивга закрыла глаза.

– Мы команда. – Он снова притянул ее к себе. – Мы отлично справляемся. Ты не проходишь инициацию, я тебя при-

крываю. Так было раньше, так будет еще лет сто.

Она прижалась лицом к его плечу.

* * *

Совет кураторов начался с опозданием на полчаса, потому что регулярный рейс из Одницы по техническим причинам задержался. Когда Мартин вошел в зал, его демонстративно ждали. За овальным столом под тяжелой старой люстрой сидели кураторы округов Альтица, Рянка, Ридна, Эгре, Бернст и Корда – все в традиционных черных плащах. Пустовало два кресла – одно во главе стола, массивное кресло с высокой резной спинкой, другое – место куратора округа Одница.

– Да погибнет скверна, – сказал Мартин. – Прошу прощения. Меняли самолет.

Референт, сидевший за отдельным столом у окна, что-то пробормотал в переговорное устройство.

– Кто-то нарисовал хаос-знак на плоскости? – с улыбкой спросил Виктор, куратор округа Бернст, не упускавший случая всем напомнить о своем запредельном цинизме. Авиакатастрофа, на которую он намекал, случилась семь лет назад и считалась самым массовым убийством, совершенным ведьмами за последние полвека.

– Нет, – сказал Мартин, потерявший в той катастрофе школьного друга. – Всего лишь неисправный сортир... За-

несите наши реплики в протокол, пожалуйста, – он кивнул референту. Виктор презрительно ухмыльнулся.

– Он летает только регулярными рейсами, – сказал Руфус из Ридны, обращаясь в пространство. – Никаких привилегий, человек из народа...

Руфус сделался куратором на пороге пятидесятилетия, и, хотя для большинства других такой пост был вершиной карьеры, считал себя несправедливо обойденным, а Мартина – выскочкой, понятно чьим протеже. Но Руфус был хорошим администратором, и все знали, что Великий Инквизитор позволяет ему чуть больше, чем другим.

Соня из Альтицы, крупная женщина с простым крестьянским лицом, протянула Мартину руку:

– Примите поздравления.

– Хотя всех нас поздравить не с чем, – сказала ее соседка, Элеонора из Эгре, столицы виноделия.

Вошел Великий Инквизитор. Кураторы поднялись, как того требовал протокол. Клавдий Старж приветственно кивнул, всем сразу и никому в отдельности, махнул рукой, предлагая садиться, и опустился в свое кресло:

– Начнем с подробного отчета. Прошу вас, куратор, – он посмотрел на Мартина.

Мартин снова встал.

Он составил письменный отчет через несколько часов после происшествия, при том, что эмоции душили его и погибших еще не похоронили. Глухой ночью он сидел в сво-

ем офисе, заполняя лист за листом, вспоминая подробности, когда приперся Ларри, полицейский комиссар, якобы за консультацией. На самом деле Ларри был пьян, и язык его заплетался:

– «Новая Инквизиция»... у них есть рациональ... ное зерно. Сегодня ты нянькаешься с ведьмами, завтра тебя режут, как свинью... Или проламывают голову... По правде, ну Март, ну преодолей свои... стерео... типы. Когда ведьмы звереют, их поздно ловить. Ты говоришь, профилактика, я говорю – за решетку. Ведьма – за решетку. И всё.

Мартин отчаялся выгнать комиссара и завершал работу под его горестное бухтение. К утру отчет был готов. Все сидевшие за столом давным-давно прочитали этот текст по несколько раз, но Великий Инквизитор счел нужным поднять Мартина и заставить все повторить, как школьника. Что же, Мартин будет душить их канцеляритом, пока они не взмолятся о пощаде.

– ...обнаружив последствия активности ведьмы, создавшей с преступными целями многослойные мороки, и действуя в строгом соответствии с должностной инструкцией, оперативный инквизитор Эдгар Солон начал преследование и был атакован флаг-ведьмой из стелс-укрытия...

Великий Инквизитор наблюдал. Его взгляд переходил с лица на лицо, он оценивал настроения, причем не только относительно инцидента в Однице. Все сидевшие за этим столом были незаурядными людьми, каждый вел свою игру,

у каждого были цели, планы, проблемы, которые надо было решить либо переложить на кого-то другого. За столом шла невидимая карточная партия; Мартин почувствовал себя лишним.

Он повторил отчет если не дословно, то очень близко к тексту. С огромной радостью он провел бы то же самое время в своем офисе, с какими угодно ведьмами, подальше от кураторов в черных балахонах. Только оказавшись одним из них, он понял, как часто талантливые люди идут в Инквизицию за карьерой, за властью, за легальным удовлетворением садистских наклонностей. И это было вполне чудовищное открытие.

– ...Обезвредил ведьму, используя стоп-знак, и впоследствии доставил ее в подвал Дворца Инквизиции. Что еще вы бы хотели услышать, господа?

Виктор из Бернста изобразил аплодисменты:

– Скоро на всех экранах: гонки по ночному городу, съемка без каскадеров, новое поколение кураторов не разменивается на мелочи вроде налаживания оперативной работы...

– Оперативную работу делает тот, кто может, – негромко заметил однорукий Елизар из Корды, много лет назад искалеченный ведьмой. – Или надо было позволить ей уйти?

– Должность куратора предполагает другие достоинства, – с отвращением сказал Руфус из Ридны, – нежели умение быстро бегать.

– Благодарю за лестную оценку моей работы. – Мартин

слегка поклонился. – Еще вопросы?

– Спасибо, – сказал Клавдий Старж и снова пробежался взглядом по лицам. – У нас есть инициатива сразу от двух коллег, от досточтимого Руфуса и от Виктора...

– От троих, – сказал до сих пор молчавший Оскар из Рянки. – Я тоже подписал.

– Хорошо. – Клавдий пролистнул лежащие перед ним бумаги, явно не читая, просто давая себе время на раздумья. – Значит, за снятие моратория есть как минимум три голоса. Кто-то из вас хочет обосновать?

– Погиб инквизитор, – сказал Виктор. – Мы или казним ведьму-убийцу, или из солидарности с мертвым Эдгаром убьемся сами.

Виктор, в отличие от многих за этим столом, пошел в Инквизицию затем, чтобы сделать мир лучше. Теперь он шутил насчет хаос-знака на плоскости самолета.

– Еще полицейский, – напомнил Оскар из Рянки.

– Мы не можем не ответить, – сказала Элеонора из округа Эгре. – От нас все ждут ответа.

– У меня предложение. – Мартин, сидя на своем месте, положил ладони на стол. – Обязать кураторов, проголосовавших за отмену моратория, собственноручно приводить приговоры в исполнение. В своих округах. Это же логично?

Великий Инквизитор посмотрел на Мартина впервые от начала совещания, и это был непонятный взгляд. Мартин отлично знал, что мораторий на смертную казнь – одно из глав-

ных в жизни достижений его отца и поддержка Мартина на этом заседании отцу необходима. Почему же он смотрит так отстраненно?

– Логично. – Руфус ухмыльнулся. – Соглашусь и поддержу: любой инквизитор, на каком угодно посту, должен быть готов собственноручно казнить ведьму. Поэтому от меня дополнение: после отмены моратория приговоры исполнять лично кураторам. Вменить в обязанность. В конце концов, это часть их ответственности!

Мартин заставил мышцы лица расслабиться. Бесстрастный вид в любой ситуации – он всю жизнь учился у отца, но прекрасно понимал, что до идеального ученика ему далеко.

– Давайте сразу и костры вернем, – желчным голосом предложила Соня из Альтицы. – А кураторы пусть подкидывают дрова...

– Костров не надо, – сказал Руфус. – И паясничать не надо. Способы казни можем обсудить отдельно...

– Торопите события, – холодно сказал Клавдий Старж. – Решение еще не принято.

– Ну вы же видите, патрон, что голоса есть. – Элеонора вздохнула. – Давайте наконец признаемся себе: мораторий – лицемерие.

Он посмотрела на Мартина:

– Ты прекрасно знаешь, Март...

– Протокол, – уронил Великий Инквизитор.

Элеонора закатила глаза:

– Вы прекрасно знаете, куратор, что действующие ведьмы не живут в неволе! Ну помучается она в камере пару месяцев или пару лет и все равно умрет! Нет, я понимаю, лично вы не хотите быть палачом. Просто признайтесь себе, что ваш мотив – забота о собственных белых перчатках. А вовсе не приверженность гуманизму.

– Я всем напому, для чего этот мораторий принимался. – Мартин снова поднялся. – Это был сигнал от Инквизиции к обществу, что мы считаем ведьм людьми! Мораторий был принят в одном пакете с первым гражданским кодексом, где за ведьмами признавались хоть какие-то права... впервые в истории! Отмена моратория – падающая костяшка домино. Сегодня вы казните действующую ведьму за убийство инквизитора... А завтра другую, за насос-знак без смертельного исхода. А послезавтра вы начнете казнить всех подряд действующих, потому что так проще. А неинициированные ведьмы, «глухие», тут же снова станут изгоями. Начнутся преследования, как это уже было... А потом их начнут жечь на площадях, неинициированных, без вины! Так тоже было!

– Их и так жгут, – сказал Оскар из Рянки. – «Новая Инквизиция»...

– Единичный случай! – Мартина будто дернуло током.

– Это пока единичный. – Оскар не унимался. – За продолжателями дело не станет!

– «Инквизиция умерла, – процитировал Руфус из Рид-

ны. – Великая традиция борьбы, охоты, наказания – все в прошлом...»

– Я попрошу не отклоняться от темы, – негромко сказал Великий Инквизитор. Мартин сел в полной тишине, прекрасно понимая, что лицо у него кроме того, что не бесстрастное, так еще и багровое, как после бега.

Руфус из Ридны невозмутимо щелкал шариковой ручкой:

– Мы должны подать обществу сигнал. Надо показать им, что нет – великая традиция не в прошлом!

– Диалог с ублюдками, – сказал Мартин, – не имеет к «великим традициям» никакого отношения. Но если мы хотим доказать насильникам, что отлично умеем насиловать сами...

Клавдий Старж снова на него посмотрел, и Мартин заткнулся на половине фразы.

– Предлагаю голосовать. – Великий Инквизитор прикрыл глаза, будто в неудержимом приступе сонливости. – Все сказали, что хотели. Кто за отмену моратория?

Виктор, Руфус, Оскар из Рянки, Элеонора из Эгре подняли руки. Четверо. Половина.

Элеонора покосилась на Соню:

– Вы не голосуете?

Соня демонстративно сложила руки на пышной груди. Елизар из Корды положил единственную руку, левую, на стол ладонью вниз. Мартин, секунду назад готовый впасть в отчаяние, выпрямил спину: решение не принято. Не хватает

ГОЛОСОВ.

– Ясно, – сказал Клавдий Старж. – Решение принято.
И поднял руку.

* * *

Провокационную норму, по которой куратор обязан быть в своем округе еще и главным палачом, Клавдий на голосование не поставил. Зато подтолкнул их к другому решению: обязательный допрос с пристрастием любой задержанной действующей ведьмы. Возвращение к старым традициям, отмены которых Клавдий с таким трудом когда-то добился. Со стороны казалось, что Великий Инквизитор разрушает дело рук своих, как ребенок в песочнице разрушает замок: годами возводил, за несколько минут раскатал в лепешку.

Мартин перестал спорить и теперь сидел с таким видом, будто вокруг говорили на неизвестном ему языке и он из вежливости притворялся, будто что-то понимает.

– ...Я разделяю ваше недовольство, потому что каждый допрос – не только нервы, но и время, которое вам придется отнимать от чего-то другого. Поэтому всех задержанных ведьм с колодцем выше тридцати я буду допрашивать в Вижне...

Ради такого решения он подыграл сторонникам казней, чтобы получить сейчас их голоса:

– ...Это высвободит вам ресурсы для других дел, прежде

всего для профилактики.

Виктор презрительно ухмыльнулся. При всем своем цинизме он поддавался на манипуляции Клавдия, как ребенок. Руфус скривил лицо: он тоже подумал, что Клавдий заботится о «белых перчатках» Мартина. Но и Мартин так подумал и заиграл желваками.

– Это выглядит как недоверие, патрон, – сказал Руфус. – Демонстративное недоверие Вижны к провинциям.

– А еще транспортировка, – заметила Элеонора. – У нас недостаточно специального транспорта, патрон, нет людей для конвоирования действующих ведьм, это просто опасно!

Клавдий для вида поспорил с ней, потом с Руфусом, а потом, изобразив раздражение, отступил:

– Хорошо, вы меня убедили! Не надо их конвоировать, проще мне прилететь в провинцию! Довольны?

Они должны были чувствовать себя победителями, но Руфус из вредности проголосовал против. Мартин воздержался.

– Решение принято, – сказал Клавдий. – Напоследок прошу обратить внимание: мы приняли пакет суровых законов, который касается только – и исключительно – действующих ведьм. Я хочу, чтобы до широкой публики было донесено: те, кто не прошел инициацию, «глухие», неинициированные ведьмы, – не подлежат преследованию. Наш путь – профилактика, ясно?

Он прекрасно знал, что это пустые слова. Мартин был

прав: свежие законы означали новую эпоху – мрачную для ведьм и всех их близких. Но если это цена, которую надо заплатить за безопасность Ивги... ведьмы ее заплатят.

* * *

– Если бы самолет не опоздал, я бы тебе рассказал заранее, как буду голосовать и зачем. Ну используй ты, наконец, служебные рейсы. Не стесняйся.

– Я не понимаю, – сказал Мартин.

Он сидел в кабинете Клавдия во Дворце Инквизиции в Вижне и казался подавленным и усталым.

– Это маневр. – Клавдий старался говорить как можно мягче. – Уступка. Нельзя достигнуть цели, если все время переть напролом, как бык. Я меньше всего хочу подыгрывать «Новой Инквизиции», но социальная база у нее таки есть, ты же не можешь не видеть. Сейчас надо кинуть кость этим людям.

– Тем, кто мастурбирует на ролик «Новой Инквизиции»?!

Терпение, напомнил себе Клавдий.

– Обывателям, которым показали по телику инквизиторский труп в луже крови. Страсти остынут, отыграем назад... По поводу допросов: этого требует оперативная обстановка. Убийство инквизитора – нерядовое событие, и моя интуиция говорит, что ближайшие месяцы спокойными не будут. По поводу моего визита в Одницу... извини, я был немно-

го взвинчен, мне очень жаль Эдгара, но тебя мне было бы жальче.

– Я... – начал Мартин, Клавдий жестом его остановил:

– Теперь – почему я допрашивал твоих ведьм. Убийство Эдгара имело все признаки ритуального, мне надо было выяснить, это так или не так. Я допросил их и получил ответ: нет, не ритуал. Ты удовлетворен моим объяснением?

Он перевел дыхание: удалось сказать полуправду и почти не солгать. Мартин опустил голову:

– Я действительно похож на человека в белых перчатках?

– Ты похож на человека, задержавшего опасную ведьму. – Клавдий посмотрел на часы: – Прости. Ни секунды больше нет. Потом продолжим, ладно? Только не вечером, естественно, не с мамой. Договорились?

* * *

В милом ресторане, за великолепным столиком на веранде они сидели вдвоем, хотя стол был накрыт на троих. Официант принес горячее блюдо; Ивга видела, что Клавдий нервничает и ждет. Видя людей насквозь, в отношении сына он мог быть удивительно наивным.

Клавдий в который раз посмотрел на часы:

– Мог хотя бы позвонить.

Будто отвечая на его слова, пискнул телефон. Мартин прислал текстовое сообщение: он вынужден срочно вернуть-

ся в Одницу. Просит прощения. Не сможет сегодня поужинать.

– Позвонил бы, – повторил Клавдий с горечью. – И сказал бы то же самое вслух.

– Иногда не хочется разговаривать. – Ивга пригубила свое вино. – И он в самом деле очень занят.

– Мог бы и выделить час драгоценного времени, – Клавдий опустил плечи. – Хотя бы ради тебя.

– Я не хочу его видеть. – Ивга смотрела на закатное небо, цветными лоскутами пробивавшееся сквозь листву. – Мне надо знать, что он здоров, что у него все в порядке... Что он в безопасности. А видеть его... Слушай, а вот ужасная привычка называть вещи вслух своими именами – это ты меня научил? Или я и раньше была такая?

Она улыбнулась, пытаясь смягчить эффект своих слов, но Клавдий огорчился еще больше:

– Почему ты не прощаешь ему того, что давно простила мне?

– Клав, – сказала Ивга. – Я не могу его прощать или не прощать, он меня ничем не обидел.

– Я знаю, что ты его любишь...

– Конечно, люблю. – Ивга прислушалась к себе, пытаясь понять, что за смысл она вкладывает в это слово.

Она помнила день и час, когда впервые почуяла в сыне инквизитора. А Мартин, разумеется, в тот же момент увидел в ней ведьму; ему было восемнадцать лет, он приехал на ка-

никулы, вошел, болтая, рассказывая, что прямо на краю поселка они с отцом только что видели лося. Ивга стояла на лестнице и раньше, чем он переступил порог, почувствовала холод. Прикосновение ледяной иглы, так холодно, что даже больно. Мартин в дверях поднял голову, и она поняла, где источник дискомфорта: перед ней стоял маркированный инквизитор. Они знали свое дело, в этом его колледже.

Мартин, глядя на нее снизу вверх, оборвал свой рассказ. Его лицо застыло, Ивга знала, на что он смотрит: перед ним стояла в этот момент не мать, а ведьма. Она знала, что рано или поздно такая встреча произойдет, и даже думала, что к ней готова. Но оказалось, что к такому невозможно подготовиться.

– Ивга? – Клавдий смотрел встревоженно.

– Ну конечно, я его люблю, – повторила она и прочистила горло.

– Он не палач, ты же знаешь, – тихо сказал Клавдий. – Ни на долю процента. Это совсем другое поколение.

– Он идеалист. – Ивга смотрела, как гаснет закатное небо. – Он станет палачом ровно в тот момент, когда этого потребуют его идеалы.

– Нет, – Клавдий махнул рукой, будто желая развеять дым перед лицом. – Во-первых, он уже не идеалист, он повзрослел... во-вторых, ну что бы мы делали совсем без идеалов?!

В глубине ресторана чуть слышно звучала современная версия старинной любовной песни, чувственная, изломан-

ная и странная.

– Я понимаю тебя, – сказала Ивга. – Когда ты одним рощерком возвращаешь обязательную норму допросов с при- страстием, я переживаю шок, конечно, но я тебя понимаю...

– Информацию, которая мне нужна, можно получить только от ведьм, – сказал он сухо. – Только от действующих ведьм. Значит, я буду допрашивать.

– ...А его я не понимаю, нет. И не хочу понимать.

– Не хочешь принимать его выбор.

– Точно. – Она сделала новый глоток из бокала. – Клав, не слишком ли высокую цену ты назначил за жизнь одной-един- ственной женщины?

– Ты всех спасла. – Он не отвел глаза. – Я, они, все люди вокруг до сих пор живы, потому что ты это сделала. Поэто- му, извини, никакая цена не слишком высокая. Ты не подни- мешься ни на Зеленый Холм, ни на синий, ни на малиновый, что бы эта метафора ни означала. Если ведьмы начнут все- таки роиться, я узнаю первым.

Удивительно, но Ивга вдруг увидела в нем Мартина. Не инквизитора Мартина, а мальчишку десяти лет, с разбитым носом и яростными глазами, в драке против здоровяка на пару лет старше: «Так что ты сказал про мою маму?!»

Да, она могла рассчитывать на Клавдия Старжа. Да, он пойдет на что угодно, чтобы защитить ее. Но если ведьмы опять соберутся в рой и позовут Заново Рожденную Мать, что сможет сделать Великий Инквизитор?

Часть вторая

– Меня зовут Мартин Старж, я верховный инквизитор округа Одница и пришел к вам сегодня, ребята, чтобы поговорить об очень важных вещах...

Актовый зал был полон, всего человек сто, подростки. Ведьма вошла одной из последних: светловолосая девушка, тонкая, как балерина, бледная и очень, очень напуганная. Лет четырнадцать-пятнадцать. На учете не состоит, хотя по возрасту должна. Смотрит только вниз, села в самом последнем ряду, оцепенела, как перед казнью. Зато компания парней в первых рядах глазееет на Мартина с азартным любопытством.

– Как вы думаете, для чего существует Инквизиция? – Он посмотрел на крупного розовощекого парня у прохода слева. – Ваши варианты?

– Ловить ведьм, – отозвался бойкий мальчишка, сидящий рядом с розовощеким. – Сажать их в колодки – это такая штука, еще средневековая, туда просовывают руки и башку, и ведьме в них так хреново, что она не может пакостить...

Девочка в последнем ряду втянула голову в плечи.

– Ошибаешься. – Мартин přátельски кивнул. – То есть насчет колодок ты прав, но в них сажают инициированных, опасных ведьм, которых по-другому не удержишь. Но Инквизиция существует не для этого, а прежде всего затем, что-

бы помогать ведьмам.

Если до этого в зале украдкой поглядывали в телефоны, то теперь все глаза уставились на Мартина: он зацепил их внимание.

– Шутите? – весело спросил болтун. – Ха-ха!

– Не шучу. – Мартин легко перекрыл голосом нарастающий гомон. – Мы помогаем ведьмам оставаться людьми и никогда не превращаться в опасных и отвратительных тварей. Каждая ведьма – каждая! – это чья-то сестра, дочь, мать, подруга. Ведьмы живут среди нас. У них нет других родственников, соседей, товарищей, одноклассников: только мы.

– А мы, может, не хотим, чтобы они тут жили, – сказала красивая черноволосая девочка во втором ряду. – Раньше Инквизиция судила их, сажала в тюрьму...

– А теперь фигня, а не Инквизиция, – сказал розовощекий вполголоса, себе под нос, но Мартин отлично его слышал. – Дождетесь, пока люди сами не начнут их судить.

Мартин встретился с ним глазами, и парень моментально струсил, насупился, опустил взгляд.

– А в этом зале, вот сейчас, ведьмы есть? – Болтун спрашивал не просто так, а с подтекстом. Его приятели с ухмылками переглянулись.

– Может, есть, – невозмутимо отозвался Мартин. – А может, нет. Этого я не скажу.

– Раньше они учились в спецшколах, – процедила брюнетка во втором ряду. – А теперь их пихают везде, нормальному

человеку на улицу не выйти...

Светловолосая девочка сидела, не поднимая глаз, скорчившись, будто у нее болел живот. Может, и вправду болел.

– Раньше, – сказал Мартин, – женщин вообще не учили грамоте, вряд ли вы хотите вернуться в те времена. И вряд ли вы хотите вернуться туда, где вашу сестру, которая оказалась ведьмой, немедленно жгут на площади, хотя она не совершила никакого преступления и даже не могла – ведьмы до инициации ничем не отличаются от «нормальных людей»! Да, в этом зале могут быть ведьмы, но они, возможно, еще не подозревают об этом, потому что я знаю случаи, когда ведьмы впервые осознавали себя в шестнадцать лет и даже в восемнадцать...

Брюнетка сделалась такой белой, что Мартин за нее испугался.

– ...Поэтому, прежде чем рассуждать про спецшколы, – сказал он тоном ниже, – подумайте о том, что каждый в этом зале мог родиться ведьмой.

– Кто с яйцами – не мог, у ведьм не бывает яиц, – сказал бойкий парень.

– Но мы же думаем не яйцами, верно?

– Смотря кто. – Парень смотрел невинно. В зале нерешительно засмеялись.

– Ну вот для тех, кто думает головой, я скажу еще одно: если напугать ведьму, если загнать ее в угол, она от отчаяния пройдет инициацию. Человек превратится в чудовище. И не

пожалеет никого, в том числе бывших знакомых. Возможно, кто-то умрет. Все скажут, что виновата ведьма, но мы-то с вами знаем: виноваты те, кто был рядом. Кто ей в трудную минуту не помог. Кто ее подтолкнул.

В зале было теперь очень тихо. Многим не нравились его слова, но переговариваться никому не хотелось: он сознательно давил на них сейчас. Он жестко манипулировал, понимая, что на уговоры времени нет, их тут сто человек, а впереди у него еще сто школ. И надо что-то решать со светловолосой девочкой: он даст ей пару дней, чтобы самой явиться в офис, но никак не больше.

– Не имеет значения, есть ли в зале ведьмы. – Мартин заговорил мягче. – Они есть в мире вокруг нас, этого достаточно. Сейчас я раздам всем – и юношам, и девушкам, всем! – памятку для ведьмы-подростка. Передавайте по рядам!

Он спустился со сцены и пошел вдоль прохода, вкладывая в протянутые руки памятки в виде комикса. Когда-то он сменил пять художников, добиваясь неформального, ироничного, смешного изображения, и в конце концов преуспел: подростки, взяв листовку из вежливости, через несколько секунд ржали, разглядывая картинки, и всегда дочитывали до конца.

– Это надо знать всем, – говорил на ходу Мартин. – А если памятку прочитает ведьма, – он нарочно не смотрел на последний ряд, – она перестанет бояться и спокойно придет к нам, в один из офисов по городу или области. У нас в отде-

лениях отличный кофе, чай, сувениры и подарки для впервые вставших на учет...

Он не успел дойти до последнего ряда, как светловолосая девочка вскочила и, все так же прижимая руки к животу, выбежала из актового зала.

* * *

Это была пятая школа за три года, которую она меняла. Пятая. С Майей что-то было не так; много раз, стоя перед зеркалом, она пыталась понять, что именно. Из зеркала глядела обыкновенная девочка, но всякий раз, стоило ей появиться в новом классе, начинались вопросы с подначкой:

– У тебя нахальный взгляд, какой-то дикий. Может, ты ведьма?

– У-у, бесстыжая, чего вылупилась?

Она научилась никогда не смотреть в глаза. За это ей снижали оценки при ответе у доски. Чужие взрослые руки брали ее за подбородок и вздергивали лицо кверху:

– Ты куда смотришь, когда я с тобой разговариваю?!

В новую школу надо было ехать час в один конец, на двух автобусах. Майя надеялась, что в этом районе, где ее никто не знает, все сложится по-другому. Она вела себя тише воды ниже травы и все равно услышала в первый же день:

– Ты чего такая... похотливая? Ведьма, что ли?

Девчонки пинали ее исподтишка, прятали вещи, плевали

в спину – с виду нормальные, не злые девчонки. Между собой они дружили, а Майю ненавидели, и Майя понимала, что недостойна, и даже не пыталась защитит себя. Но то были девчонки, а мальчишек она до судорог боялась, особенно одну компанию – четверых одноклассников. Те не издевались напрямую, но Майя то и дело ловила на себе их взгляды и, кажется, слышала, как они произносят ее имя среди нехороших, непонятных, тревожащих слов.

Острый слух был у нее всегда. Это, наверное, тоже не вполне нормально, может быть, она так слышит потому, что ведьма... Майя всхлипнула: лучше тяжелая болезнь, лучше попасть под машину, чем быть... такой.

Ведьм рожают плохие люди, гуляющие женщины. Ведьмы прокляты. Ведьмы хуже сифилиса. Сегодня утром по дороге в класс она услышала голоса, проходя мимо мужского туалета:

– Не, пацаны, это реально жесть.

– Ты, типа, смотрел, да? В сети уже нету... все выпилили...

– Да ладно, у кого надо – есть! На флешке... Если тебе не ссыкотно...

– Бреешь.

– Там вааще жесть! А прикиньте, если...

Сдавленный смешок.

Они не называли ее имя, не произносили слова «ведьма», но Майя была уверена, что разговор касается ее самым ужас-

ным образом. Она ждала беды и дождалась, но совсем другого рода: в классе объявили, что школу почтил визитом сам верховный инквизитор.

Майя шла в этот зал, как в камеру пыток, ее начало знобить еще на подходе. В зале было очень холодно, инквизитор что-то говорил, она не поняла ни слова, у нее гудело в ушах. Когда он стал раздавать листы бумаги и подошел совсем близко, она не выдержала и сбежала. И все это видели.

В коридоре у самой лестницы ее перехватила директриса:
– Майя? Разве лекция уже закончилась?

Она отвела Майю к себе в кабинет. Посмотрела поверх очков и вздохнула:

– Для всех будет лучше, если ты принесешь в школу справку, что ты не ведьма.

– Как?! – Майя зашаталась.

– Зачем нам слухи, домыслы? Зачем мне звонят родители других детей, спрашивают? Ты не состоишь на учете в Инквизиции. Значит, ты не ведьма. Принеси справку.

* * *

Под конец дня студентам надоело бастовать на университетском дворе, и они перекрыли улицу перед главным корпусом. В городе тут же случился коллапс, центр встал в мертвой пробке, «Скорая», заполошно воя сиреной, прорывалась по тротуарам. Забастовщики вытащили на середину улицы

трибуну с микрофоном и громко, во всю мощь динамиков потребовали, чтобы Великий Инквизитор явился к ним для разбирательства, а иначе они вообще никуда не уйдут.

Фанерные плакаты с силуэтом ведьмы на помеле, перечеркнутым жирной красной линией, не были самодельными. их приготовили заранее и централизованно раздали в руки. Клавдий с первого взгляда понял, что организаторов надо искать не на улице, а в административных кабинетах поближе к ректорскому.

Он вышел из служебной машины за два квартала и добрался до места дворами. Он знал и любил центр Вижны с ее бесконечными подворотнями, старыми домами, коваными оградами и облупившимися барельефами; в подворотнях курили студенты, сбежавшие с занятий под предлогом забастовки и улизнувшие потом из толпы. Клавдий проходил мимо, не опасаясь, что его узнают: за темными очками, под капюшоном молодежной куртки ему обычно удавалось спрятать возраст, а ведь все знают, что Великий Инквизитор стар.

Толпа между тем не редела – к студентам присоединились застрявшие в пробке водители. Цепью стояли хмурые полицейские. Девушка-блогер вертелась в толпе, держала перед собой планшет, взхлеб общалась с невидимой аудиторией:

– ...Конечно, все возмущены, вы видите, все кипят, с каких пор ведьмы у нас лучше других? Она говорит, ее завалили на экзамене... Да меня тоже в прошлом году завалили, но я не ведьма! И меня никто не стал по суду восстанавли-

вать! Дошло до того, что люди вообще не хотят видеть ведьм в университете. Ни студенты, ни препода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.